

МАКИНЪ

АНГЛІЙСКАЯ ПОВѢСТЬ,

сочиненія

Г. Арнода.

Переведено съ Французскаго.

ВЪ МОСКВѢ

Въ Университетской Типографіи у

Н. Новикова, 1782 года.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ, я читалъ книгу подъ заглавіемъ Макинъ, Англійская повѣсть, *и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ и Цензоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,*

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

ЕГО СIЯТЕЛЬСТВУ

КНЯЗЮ

ВАСИЛIЮ ВЛАДИМИРОВИЧУ

ДОЛГОРУКОВУ,

ГОСПОДИНУ

ГЕНЕРАЛЪ-ПОРУТЧИКУ

и Орденовъ

Ст. Георгiя и Ст. Анны

КАВАЛЕРУ.

Усерднѣйшее приношенiе.

СІЯТЕЛЬНѢЙШІЙ КНЯЗЬ,

Милостивый Государь!

Имѣвъ счастіе узнанъ быть отъ Вашего Сіятельства за непремѣнный долгъ почитаю принести Вашимъ добродѣтелямъ достойную жертву справедливости. Никакъ бы я несмѣлился приписать имени Вашего Сіятельства сего рода книжку, естьлибъ не зналъ, что вы больше смотрите ни чистосердечіе приносителя, нежели на приносимую вещь. О естьлибъ сіе малое мое приношеніе могло изразить чувствованія моей души, исполненной удивленія и почтенія къ Вамъ, Милостивѣйшій Государь; естьлибъ слабое мое перо было когда нибудь въ состояніи показать свѣту благородство вашихъ чувствованій, великость духа и истинную любовь къ отечеству; я бы былъ благополучнѣйшій человѣкъ; предпочелъ бы себя всѣмъ тѣмъ творцамъ, кои обращаясь въ шумѣ оружій и представляя намъ по ласкательству кровожаждущихъ людей въ видѣ Героевъ, забываютъ истинное благородство духа; ревность къ общему благу и миролюбныя чувствованія. – Но что можетъ ласкательство

и

и клевета, когда сердце чисто и исполнено любви къ Государю, и духъ непороченъ: изчезнутъ онѣ и посрамятся.

Простите, Ваше Сіятельство, усердію моему къ истиннѣ; она пріятнѣйшее утѣшеніе для добродѣтельныхъ сердецъ. Не одного человѣка вы ощасливили, почему и я льщусь, что таковую смѣлость происходящую отъ глубочайшаго и искреннѣйшаго почтенія къ Вашей особѣ, вы мнѣ простите и трудъ мой удостоите милостиваго воззрѣнія; сіе я почту совершенною наградою моихъ трудовъ и величайшимъ для себя благополучіемъ.

СІЯТЕЛЬНѢЙШІЙ КНЯЗЬ,

Милостивый государь,
Вашего Сіятельства
покорнѣйшій ко услугамъ
А. Г.

МАКИНЪ

Англійская повѣсть.

Неоспоримо что честолюбіе и жадность къ богатству пренесли нашихъ Европейцовъ на извѣстныя моря восточной Индіи, и даже въ неприступныя мѣста новаго свѣта; но открытіе острова Мадеры было сохранено для любви.

Лордъ Дорсетъ пользовался знаменитою милостію, которую изливалъ на него Едуардъ III. Англійскій Король, будучи достойный Министръ, толь великаго Монарха, (*) онъ

A

(*) *Толь великаго Монарха* и проч. Едуардъ III. былъ безъ противорѣчія одинъ изъ величайшихъ Государей, господствовавшихъ въ Англіи; онъ нанесъ ужасныя удары Французской Монархіи; былъ побѣдителемъ на двухъ знатныхъ сраженіяхъ, но окончилъ видя увядшіе свои лавры. Онъ былъ изъ числа Государей жившихъ долгое время и можно сказать, что щастіе силилось напослѣдокъ наказать его за изліянныя на него свои милости. Карлъ V. взялъ верьхъ надъ старостію его. Любовь его

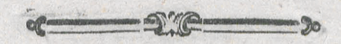
онъ покрылъ себя славою на сраженіи при Сесѣ, славномъ чрезъ истребленіе Французовъ: почтенная супруга участвовала въ благополучной его судбинѣ, а единородная дочь, соединявшая всѣ дары природы, утѣшала ихъ обоихъ отъ приближенія старости, или лучше, истребляла у нихъ воспоминаніе объономъ концѣ, коего толико тварей страшатся. Отецъ и мать вѣдающіе прелесть, соединенную съ сими драгоцѣнными названіями, не опасаясь ужасовъ разрушенія своего естества, находятъ себя, нѣкоторымъ образомъ сокровенными отъ смерти, и возраждающимися въ своихъ чадахъ.

Лордъ и супруга его, видѣли нѣкоторымъ образомъ, пріятность младыхъ своихъ лѣтъ въ Геленѣ, которая столькожъ ихъ любила, сколько сама отъ нихъ была любима; она ежечасно устремлялась въ ихъ объятія; никогда дитя не было любезнѣе и чувствительнѣе;

его къ нѣкоторой Аликсѣ довершила помрачить послѣднія его дни; сія постыдная страсть, паче еще, нежели возвращеніе побѣды, подъ знамена Французовъ, принесла великое безчестіе Едуарду. Презрительная оная женщина равно какъ и всѣ его придворные, оставила его на смертномъ одрѣ, похитивъ съ руки у него дорогой перстень: и сей толико пресловутый Монархъ, коего имени не произносятъ Агличане, какъ со всегдашнимъ восторгомъ, испустилъ духъ въ рукахъ одного духовника „человѣколюбивѣйшаго, говоритъ одинъ Историкъ нежели его служители„.

ніе; часто родители орошая ее своими слезами, говорили ей: Гелена, чувствуешь ли ты нашу нѣжность? Мы дышемъ единственно для твоего благополучія; мы дали тебѣ жизнь, но ахъ! мы посвятимъ тысячекратно свою, для сохраненія твоихъ дней! утѣхи наши: страхъ и надежда заключены въ тебѣ; мы живемъ въ тебѣ одной; непреставай, дражайшая дочь, любить насъ, мы ничего не будемъ желать. Ты закроешь наши очи; наша душа изыйдетъ въ нѣдра твои. . . . Какое зрѣлище представляете вы мнѣ, воскликала въ слезахъ юная Лади? Живите на всегда, дабы быть обожаемыми отъ вашей Гелены! Я всякое утро, возсылаю къ небу рабскія мольбы, и прошу его съ горячностію, чтобъ кончина моя предускорила вашу! Ахъ! могули я жить послѣ васъ! нѣтъ, я еще больше васъ люблю нежели вы меня.

Сія взаимная нѣжность составляла трогающее зрѣлище, которымъ и самые придворные были смягчаемы: толико то природа имѣетъ силы, а наипаче, когда представляетъ намъ семейство соединенное сладкимъ его союзомъ! Гелена возрастала въ красотѣ, въ добродѣтели и въ чувствованіяхъ; она уже достигала до онаго предѣла, гдѣ позволялось располагать своею рукою: множество жениховъ появилось; но Дорсетъ не могъ склониться, какъ въ пользу такого зятя, которой бы съ знатностію рода соединялъ и богатство: бѣдственной предразсудокъ, которому большая часть людей по-

рабощена, и которой заставляетъ почитать чины и богатства двумя источниками блаженства человѣческаго!

Между пажами Лорда, находился одного простаго дворянина сынъ именемъ Робертъ Макинъ, у котораго отъ колыбели заразительная болѣзнь похитила родителей. Онъ былъ воспитанъ въ домѣ Лорда; соучаствуя отъ юности въ играхъ Гелены, онъ предался пріятностямъ нѣкоторой искренности раждаемой равенствомъ лѣтъ, сходствомъ вкуса и забавъ и сими невинными желаніями, которые еще не повреждены развращеніемъ чувствъ и мучительными своенравіями мнѣнія. Пришедши въ возрастъ, Гелена и Макинъ не такъ часто находились вмѣстѣ; да и старались ихъ разлучать: но они не могли забыть сей взаимной склонности плода первыхъ своихъ лѣтъ. Когда они невидѣлись то наполняли себя лестнымъ воспоминаніемъ; приводили на память малѣйшія обстоятельства; чувствовали уже въ себѣ сію глубокую задумчивость, которая изъ всѣхъ утѣхъ наибольше трогаетъ; а увидѣвшись, краснѣли, блѣднѣли и испытывали нѣжное смущеніе, коего причина была имъ неизвѣстна; намѣревались говорить, но слова умирали на ихъ губахъ; и такъ довольствуясь только взирать другъ на друга, испускали нѣсколько слезъ, которыя однакожъ скрывали осторожно отъ своихъ надзирателей. По сихъ подробностяхъ нужно ли присовокупить, что

сіи

сіи два юныя сердца были привязаны одно къ другому жарчайшею и нѣжнѣйшею любовію! не познаетсяли по симъ чертамъ все владычество сей страсти, которой прелестной ядъ мы чувствуемъ во всю жизнь? Гелена и Макинъ любили другъ друга, обожали себя взаимно и горѣли самымъ сильнымъ пламенемъ, не разсматривая свойства своихъ восхищеній.

Между тѣмъ слухъ пронесся въ домѣ, что молодую Лади намѣревались выдать за мужъ. Услыша сіе Гелена вострепетала не зная отъ чего: но то чего она не могла скрыть, было извѣстіе, что назначенный ей супругъ, былъ не Макинъ, а сей единый предмѣтъ и могъ наполнить ея душу.

Макинъ съ своей стороны, увѣдавъ сію новость и будучи столькожъ слѣпъ въ движеніяхъ своего сердца какъ и Гелена, былъ пораженъ какъ громомъ: отчаяніе обьяло его душу; совершились! онъ потерялъ сію веселость; сей невинный покой, наслажденіе счасливыхъ дней; пріятныя сновидѣнія убѣжали отъ него; онъ не чувствовалъ больше благовонія цвѣтовъ; блестящая ихъ наружность исчезаетъ въ его глазахъ: одинъ образъ, которой вонзаетъ въ его грудь раздирающую стрѣлу, который его преслѣдуетъ и который пожираетъ всѣ его чувства, есть Лади Дорсетъ обрученна; двадцать разъ повторялъ онъ сіи слова въ глубинѣ своего сердца. Ахъ! отъ чего сіе воображеніе

производитъ во мнѣ толь болѣзненную перемѣну? Лади Дорсетъ обрученна, не будетъ ли имѣть тѣхъ же прелестей? не будетъ ли мнѣ столькожъ любезна? Естьли сіе соединеніе совершаетъ ея счастіе . . . . . ея счастіе! ахъ! оно причинитъ мнѣ пагубу; не я буду ея супругомъ!

Макинъ чувствовалъ въ себѣ движенія ревнивости, не зная еще сей страсти, которая изъ всѣхъ нравственныхъ болѣзней наибольше угнѣтаетъ человѣка, и съ которою кажется онъ раждается. Увидя нечаянно Гелену, Макинъ стремится къ ней; смущенъ, внѣ себя, проливая слезы, говоритъ ей испустивъ тяжкій вздохъ: Миссъ, и такъ вы идете къ олтарю? Увы! отвѣтствуетъ Гелена, родители мои мнѣ еще ничего не говорили, однако я узнала, что они приготовляютъ мое несчастіе! -- Ахъ! Миссъ, скажите лучше мое, верьхъ моего злополучія, ужаснѣйшія удары, какія токмо можно стерпѣть! Съ того времени, какъ сія вѣдомость меня поразила, я совсѣмъ перемѣнился. Не знаю . . . . Миссъ, видѣть васъ за другимъ! сіе зрѣлище повергнетъ меня во гробъ. — Макинъ вы лишитесь жизни! -- Ахъ! сего еще мало! я буду умирать тысячекратно . . . . . когда не можно будетъ васъ называть Лади Дорсетъ. Я вопрошалъ себя, опасаться бы мнѣ нѣчего, но . . . . говорятъ, что должно любить мужа . . . . . что до меня принадлежитъ, я

увѣ-

увѣренъ, что никогда не буду любить другой жены; и хотя бы мнѣ приносила руку первая въ свѣтѣ Царица, я бы ее не принялъ. Миссъ . . . . кто васъ будетъ любить столько, сколько я люблю? -- Ты меня любишь, Макинъ! --Ахъ Миссъ! нѣтъ словъ могущихъ изразить до какой степени я васъ люблю. Одинъ вашъ взглядъ, одинъ взглядъ, есть небо отверзающееся предъ моими глазами; я чувствую текущую во всѣхъ моихъ жилахъ прельщающую меня томность; представляется мнѣ, что душа оставляетъ меня; и сія перемѣна чувствъ несказанно мнѣ пріятна; я самъ предаюсь сему ослабленію, исполненному сладости. Когда вы прикоснетесь къ моей рукѣ, тогда пріятная дрожь объемлетъ меня, я умираю, я умираю отъ радости! когда вы удаляетесь отъ моего зрѣнія, я вижу васъ безпрестанно; говорю вамъ изъ глубины моей души, нахожусь у ногъ вашихъ: я васъ обожаю какъ нѣкоторое божество, какъ вышнее мое божество; возобновляю вамъ мои клятвы что вѣчно васъ буду любить и обожать. Для чего мнѣ воспрещаютъ вамъ служить? Я летѣлъ бы къ исполненію малѣйшихъ вашихъ желаній; предупреждалъ бы оныя; я былъ щасливъ, но щастіе мое незапно похищено! такъ, оно похищено на всегда! Не могу понять, для чего ни когда я не приобыкну думать, что вы будете во власти мужа . . . дайте мнѣ смерть, прежде нежели сей образъ будетъ предъ моими глазами; я сіе почту знакомъ вашей ко мнѣ отмѣнной

милости; бросившись къ ея ногамъ: Миссъ; обожаемая Миссъ, не откажите мнѣ сего благодѣянія; пусть я испущу духъ отъ вашей руки! — Встань, Макинъ, встань; естьли кто нибудь увидитъ насъ, то чрезъ сіе навлечешь ты на меня укоризны . . . . все, что ты теперь мнѣ сказалъ я тоже сама чувствую, я испытала тоже смятеніе, туже прелесть и извѣдываю тоже отчаяніе . . . . но мнѣ пришло на мысль; когда должно чтобъ я вышла замужъ, и любила бы своего супруга, то, любезный мой Макинъ, я упрошу моихъ родителей, чтобы они насъ соединили; я имъ любезна, и они желаютъ моего благополучія . . . . могу сказать, что никогда супругъ не будетъ больше любимъ; съ сего часа, любезный другъ, я тебѣ даю въ томъ торжественное обѣщаніе. — И такъ вы думаете, Миссъ . . . — Оставь мнѣ попеченіе о семъ обязательствѣ, я не могу заключить другаго . . . Но Макинъ будешь ли ты меня всегда любить?

Молодой человѣкъ осмѣливается взять руку Гелены и изливаетъ на нее слезы, сладостныя слезы, израженіе подлинной горячности, и которые стоятъ всѣхъ клятвъ. Наконецъ они разстались провождая глазами другъ друга.

Любовь представленная въ семъ видѣ, есть безъ противурѣчія верьхъ человѣческаго блаженства; какая утѣха, какая роскошь могли сравняться съ удовольствіями сихъ двухъ лю-

любовниковъ въ разговорѣ, гдѣ сердца ихъ открывались съ искренностію! Но сколь дорого долженствовали они заплатить за сіи радостныя минуты! должно ли, чтобъ прелестнѣйшая изъ страстей была та, которая наибольше производитъ бѣдствій и напастей.

Гелена, летитъ къ своимъ родителямъ, бросается въ ихъ объятія и истощаетъ имъ невинныя свои лобзанія: — Обожаемые мои родители, мнѣ сказали что вы намѣреваетесь меня отъ себя отлучить? — Правда, любезная дочь, ты уже приближилась, къ тѣмъ лѣтамъ, гдѣ должно помышлять о своемъ состояніи. Мы съ великимъ прискорбіемъ разлучаемся съ тобою; ты наше удовольствіе, наше утѣшеніе, наше щастіе: но истинная любовь требуетъ, чтобы мы жертвовали собою совершенно, и пеклись бы единственно о твоей пользѣ: ты вскорѣ признаешь другія законы и будешъ зависѣть отъ супруга. Вы говорите, прервала съ скоропостижностію юная Лади, что ваше намѣреніе и всѣ ваши желанія клонятся къ содѣланію меня благополучною? — Можешь ли ты, Гелена, въ томъ сомнѣваться по толикимъ знакамъ всегдашней нашей къ тебѣ любви? — Не должно ничего любить больше, какъ своего мужа? — Разумная и благородно воспитанная дѣвица, какъ ты, живетъ токмо для своего супруга; участвуетъ во всѣхъ его чувствованіяхъ; предпочитаетъ его даже своимъ родителямъ: словомъ,

всякой другой предмѣтъ, есть для нее чуждъ: одинъ супругъ принимаетъ участіе въ ея повѣренности и нѣжности . . . — Довольно, когда вы принимаете участіе въ жребіи вашей Гелены до сего степени; когда должно, чтобъ добродѣтельная женщина не была чувствительна какъ токмо къ смертному, съ которымъ законы и небо ее соединили, я ожидаю отъ вашихъ устъ моей судьбины, судьбины щасливѣйшей въ свѣтѣ: Макинъ . . . — Что ты хочешь сказать, любезная дочь? — Вы удостоили его присовокупить въ число находящихся при васъ дворянъ. Будучи воспитанъ со мною вмѣстѣ, онъ учинился мнѣ любезнымъ; онъ являетъ всѣ добродѣтели, мы любимся; . . . Естьли Макинъ будетъ моимъ супругомъ, вы содѣлаете меня благополучнѣйшею изъ женщинъ; надѣйтесь что всѣ мои должности будутъ для меня священны.

Лордъ, подобно какъ и его супруга сдѣлались неподвижны отъ сего признанія; на последокъ Дорсетъ вскричалъ: Дочь недостойная родителей своихъ, сей то предмѣтъ твоего выбора: безъ нашего согласія, любить Макина, пажа, простаго Дворянина? — Какъ, родитель мой, надобно ли быть первымъ вельможею дабы возбудить чувствительность? Сей молодой человѣкъ недостоинъ ли всей моей любви; вы ни въ чемъ не можете его упрекнуть кромѣ знатности; ахъ! что то знатность? придаетъ ли она больше чув-

ствованій, больше добродѣтели, больше любви? Батюшка Макинъ, имѣетъ всѣ совершенства. Ахъ, естьли бы вы вѣдали, сколько я ему мила? Никто меня не будетъ любить столько, сколько онъ, да я и сама не могу любить другаго; естьли не онъ мой супругъ, то я умру съ отчаянія.

Дорсетъ и супруга его вскорости прешли отъ негодованія къ печали; они проливаютъ слезы, обнимаютъ Гелену: - Чистосердечіе твое укрощаетъ справедливый нашъ гнѣвъ; себя, себя мы должны винить, что непредускорили за благовременно разорвать сіи нещастныя связи младенчества; мы надѣялись, что рожденная отъ нашей крови, ты будешь имѣть наше благородство духа и сохранишь вкусъ, который не покроетъ тебя стыдомъ: но наша дочь чувствительна къ Макину, желаетъ имѣть его супругомъ! . . . Однако совѣты наши, любовь твоя къ должности, повиновеніе и небходимая твердость, откроютъ тебѣ глаза, ты узнаешь различіе чиновъ; увѣдаешь, что дочь Лорда Дорсета должна дать свою руку человѣку равной съ нею знатности, а пажъ недостоинъ задержать и одного твоего взгляда.

Макинъ вскорости увѣдомился о поступкѣ Гелены; угнетя его презрѣніемъ и угрозами запретили ему показываться въ присутствіи юной Лади и удалили его отъ

дому.

дому. Ахъ! какое я сдѣлалъ преступленіе, говорилъ онъ Лорду, которой хотѣлъ съ нимъ имѣть особливой разговоръ? Не оказывалъ ли я вамъ благодарности, почтенія и привязанности? Я васъ почиталъ какъ своего господина, любилъ какъ отца; виновенъ ли я, что Лади Дорсетъ показалась мнѣ достойною обоженія? Для чего дозволяли мнѣ наслаждаться ея зрѣніемъ? Когда повелѣваютъ, чтобы я не былъ чувствителенъ къ толикимъ прелестямъ, то почто не отдаляли меня отъ ея присудствія, почто не говоря мнѣ о различіи состояній, воспитали ее и возрастили со мною вмѣстѣ? Зналъ ли я, что нещастному дворянину не надлежало имѣть сердца? Исторгните изъ меня сіе сердце исполненное божественною Геленою; но не надѣйтесь, чтобы я премѣнилъ чувствованія; пусть ввергнутъ меня въ темницу, угнѣтутъ мученіями, исторгнутъ духъ.... но чтобъ престалъ я любить прекрасную Лади, сіе превышаетъ мои силы; любовь моя непонмо не можетъ уменьшиться, но паче возрастаетъ. Милордъ, я не хочу васъ обманывать, никогда не угаснетъ сей огонь, который меня ежечасно снѣдаетъ: вооружите противу меня власть, дни мои въ вашихъ рукахъ; но сердце мое, сердце до послѣдняго издыханія будетъ пылать къ Лади Дорсетъ. Признаюсь вамъ стеная, что огорчить своего благодѣтеля есть великое нещастіе, но сіе сдѣлано по невѣденію, и нѣтъ ужъ больше времени исправить мой проступокъ; что я говорю?

ворю? я всякой день буду усугублять мое преступленіе; нѣтъ, не ожидайте отъ меня никакого раскаянія: любовь моя тысячу разъ для меня дороже, нежели бытіе.

Макинъ произнесши сіи послѣднія слова, горько заплакалъ и обнималъ ноги у Лорда, который съ трудомъ могъ скрыть свое смущеніе. Однако сей нещастный отецъ возобновляетъ строгія свои повелѣнія, окружаетъ свою дочь надзирателями отъ опасности прельщенія; запрещаетъ чтобъ и имени Макина не произносили въ замкѣ: безполезная предосторожность! пламень сжигалъ два юныя сердца, которыя не властны были сами надъ собою.

Въ какое отчаяніе пришла Гелена, когда увѣдала, что Макинъ былъ изгнанъ изъ дому, и что запрещено ему было входить въ оной. И такъ говорила она своей мамкѣ, и такъ я причиною его злощастія! родитель мой отвергаетъ его отъ себя и изъ покровителя учиняется ему врагомъ! . . . тщетно его отъ меня отдаляютъ: Макинъ пребываетъ въ моемъ сердцѣ и не выйдетъ изъ онаго никогда. Представляли ей препятствія, которыя состояніе противополагало ея склонности: всегда я слышу, предпріемлетъ она съ живостію о знатности и чинахъ: но не понимаю откуда могло родиться сіе мучительство: Макинъ не соединяетъ ли всѣ достоинства, кои я знаю и чувствую съ первой минуты

моей

моей жизни; онъ имѣетъ всѣ дары нравиться, всѣ добродѣтели; онъ любитъ меня . . . . О! никто не можетъ имѣть его любви, нѣжности и восхищеній . . . . . рѣшено . . . . всѣ мои воздыханія будутъ клониться къ сему молодому человѣку, которому я причиняю нещастіе; когда хотятъ насъ разлучить, почто насъ воспитали вмѣстѣ? Ей отвѣтствовали, что никакъ не надѣялись видѣть ее чувствительною къ простому дворянину, а впрочемъ разумъ долженъ ей показать заблужденія лѣтъ, которыя сами не въ состояніи разсуждать. — Разумъ, говорите вы, разумъ! мнѣ извѣстно, что различіе состояній необходимо къ благосостоянію общества; я въ томъ согласна: но вотъ непріятель (указывая рукою на свое сердце), котораго должно побѣдить, вотъ мой повелитель, мой тиранъ, который на всегда расположилъ моими чувствованіями. Макинъ . . . . есть другая Гелена, съ которой я не могу разлучиться не потерявъ жизни. Родители мои толикократно меня увѣрявшіе, что я имъ мила, влекутъ меня къ олтарю. Пусть лучше ископаютъ мнѣ гробъ и низвергнутъ меня въ оной; пусть я престану быть; однимъ симъ средствомъ, могутъ они меня излѣчить отъ страсти, которой побѣдить я не въ силахъ. Нѣтъ, да не уповаютъ, чтобы я премѣнилась, и чтобъ нѣжность моя къ Макину ослабѣла; время и мученія нетокмо не уменьшатъ ее, но еще придадутъ ей больше силы . . . Шарлотта . . . они увидятъ меня мертву,

меня,

меня, единую ихъ дочь, меня, любящую ихъ столь нѣжно! непредвидѣлили они всего того, что должно со мною теперь случиться! ахъ! можноли, видѣть Макина и нелюбить! такъ, я получила сію любовь съ жизнію, и . . . единый гробъ можетъ ее погасить.

Гелена проливая слезы, погружалась въ печали; она безпрестанно упадала къ ногамъ своихъ родителей, умоляла ихъ о состраданіи и показывала имъ самое лютѣйшее отчаяніе: — Прекратите дни мои, но только чтобъ Макинъ былъ сохраненъ! Одна я винна, открывъ ему тайну моей души: я не знала чтобъ любовь была преступленіе, которое я учинила питая въ груди моей страсть . . . безполезно уже, родитель мой отъ васъ скрывать: несчастная ваша дочь желала бы вамъ повиноваться, она васъ любитъ, такъ, родитель мой, она любитъ васъ; и чувствуетъ нѣжность равную ея почтенію, но она будетъ жертвой сей любви, которая противъ воли моей васъ огорчаетъ.

Дорсетъ поднималъ свою дочь, прижималъ ее къ своей груди и говорилъ весь въ слезахъ: любезная моя Гелена, я сострадаю о твоемъ состояніи; искренность твоя уменшаетъ преступленіе твое предъ нашими глазами: но естьли ты насъ любишь, ты восприимешь свою должность, послушаешь родителей, которые ни о чемъ не помышляютъ,

кромѣ

кромѣ твоего благополучія, восторжествуешь надъ уничижающею тебя страстію. Подумай о блистаніи, съ которымъ должна показаться при дворѣ дочь Лорда Дорсета; я тебѣ еще не объявлялъ; ты назначена первому изъ Англійскихъ вельможъ, Графу Суффолку ... – Какъ! моя рука обѣщана! – Я далъ свое слово. – И такъ я не буду супругою Макина, батюшка! – Чтобъ ты сего имени не произносила! слушай, ты говоришь что онъ тебѣ милъ; но онъ будетъ отвѣчать за непослушаніе твое, не принуждай меня вооружиться строгою властію: Король сіе узнаетъ, Макинъ въ темницѣ ... – Макинъ во узахъ! ахъ батюшка! все что вы прикажите, все что прикажите; но чтобъ Макинъ, чтобъ Макинъ не былъ жертвою ... Я претерплю все, все, только, чтобъ онъ былъ въ покоѣ; возвратите ему свои милости ... Пусть Макинъ будетъ благополученъ, а я нещастнѣйшая изъ всѣхъ женщинъ!

Но Гелена, взошедъ въ свой покой вскорости раскаялась о своемъ обѣщаніи: – Я обѣщалась престать любить то, что достойно всей моей любви! я пойду къ олтарю! другой приметъ мои чувствованія! ... Но естьли онъ нещастливъ и гонимъ, естьли заключенъ въ мрачную темницу ... любовь такая какую я чувствую, не должна ли быть пожерта? не люблю ли я Макина больше самой себя? такъ, безъ сомнѣнія, я его люблю больше самой себя,

и буду его . . . Вѣ какую пропасть я погрузилась! языкѣ мой могѣ обѣщать, но сердце мое . . . Ахѣ! гдѣ теперь сей нещастный? Всѣ его напасти произошли отѣ меня.

Макинѣ достоинѣ былѣ сей любви; онѣ не помышлялѣ о ужасныхѣ слѣдствiяхѣ своего злосчастiя; лишенiе покровительства Лорда Дорсета, оставившаго его вѣ несчастiи и трудность сохранить себя отѣ мщенiя цѣлой фамилiи, не трогали его; онѣ ничего не видѣлѣ, кромѣ своей любви. Естьли бы онѣ опасался ее токмо огорчить, онѣ бы давно ужѣ былѣ у ногѣ Гелены, возобновляющь ей увѣренiя свои вѣ горячности, которой оба они долженствовали быть жертвою; но вѣ самое то время, когда онѣ бѣжалѣ броситься кѣ ногамѣ ея, останавливался: — Что я предпрiемлю? Стремлюсь причинить огорченiе любезнѣйшему предмѣту! Пролить ея слезы! Ахѣ! одна слеза, одна слеза Гелены, будетѣ мнѣ ужаснѣйшимѣ наказанiемѣ нежели смерть! Но я ее не вижу, незнаю совершенно ея судьбины; будетѣ ли она меня всегда любить? . . . Увы! куда меня страсть завела. Сiя любовь содѣлаетѣ ее злополучною! Гелена злополучна мною! . . . нѣтѣ . . . Ничего мнѣ больше не осталось, какѣ изгнать самому себя изѣ Англiи, и искать гдѣ нибудь надежной смерти.

Но естьлибѣ онѣ спросился своего сердца, не наложилѣ бы онѣ на себя сего предпрiятiя: какѣ

 воз-

возможно ему оставить свое отечество, мѣста, гдѣ обитала прелестная Гелена! Онъ сгаралъ нетерпѣніемъ сыскать случай увидѣться съ нею. Хотя бы ему надлежало одинъ разъ насладиться ея присудствіемъ и купить сіе удовольствіе цѣною своихъ дней, онъ съ радостію согласился бы на сію жертву. Любовники всегда въ противорѣчіи сами съ собою; они кажется имѣютъ многія дүши, и та, которая принадлежитъ любви, всегда почти бываетъ сильнѣе и одерживаетъ побѣду.

Макинъ искалъ какого нибудь случая увидѣться съ своею любовницею; онъ вспомнилъ объ одной часовнѣ, которая стояла на краю замка, куда Гелена часто ходила одна молиться; ибо набожныя упражненія суть первѣйшія основанія воспитанія Агличанъ, а наипаче тамъ стараются вперить въ прекрасной полъ сіи чувствованія, которыя смягчаютъ духъ, и которыя чрезъ постыдныя злоупотребленія пріуготовляютъ его къ слабости свѣтскихъ напряженій. Одно окно сей часовни, не много возвышенное стояло къ полю; Макинъ предпріемлетъ войти туда симъ входомъ. Онъ открылъ окно такъ искусно, что нималѣйшаго слѣда его хитрости не видно было; и для предосторожности разсмотрѣлъ всѣ окружности съ великимъ вниманіемъ. Почитая себя такимъ образомъ въ безопасности сошелъ онъ въ часовню, и при малѣйшемъ шумѣ уходилъ подъ жертвенникъ. Много разъ онъ дѣлалъ сіе, но

безъ

безъ пользы ; Гелена не показывалась : однако онъ не отчаевался. Толикая трудность разлучитъ надежду отъ любви.

Юная Лади въ безпорядкѣ, ужасѣ, не зная въ чiи нѣдра излить свои слезы, оставленная нѣкоторымъ образомъ отъ всего свѣта, не имѣла инаго прибѣжища, кромѣ Всевышняго Существа. Въ нещастiи то признаютъ, что есть нѣкое могущество, верьховнѣйшее предъ людьми, которому всѣ открываютъ свои страданiя и слезы; нещастные не имѣютъ другаго прибѣжища, кромѣ Бога; имъ то не должно уже больше взирать на дольная; истинное утѣшенiе приходитъ къ намъ отъ горнихъ токмо; въ семъ то и Гелена имѣла великую нужду.

Какъ скоро день началъ склоняться, она побѣжала къ сей часовнѣ, дабы тамъ плакать въ вольности, и излить, естьли то можно сказать, предъ Богомъ душу свою обремененную горестiю. Но повергнувшись предъ жертвенникомъ, и увидѣвъ, что онъ поколебался, вскричала и хотѣла бѣжать. Ободрись, любезная Гелена, сказалъ ей любовникъ ея, вышедшiй съ скоропостижностiю изъ подъ жертвенника . . . - Ето, ты, Макинъ! - Такъ, ето я, божественная обладательница моего сердца, я, который не могъ противиться нетерпѣливости испустить духъ отъ любви у ногъ твоихъ; знаешь ли, что десять дней я

тебя не видѣлъ, и умиралъ отъ того безчисленными смертями, я, коего душа исполненна твоею красотою? и запрещаютъ мнѣ тебя видѣть, тебя любить! Милордъ повелѣлъ мнѣ никогда предъ себя не показываться, исторгнуть себя изъ сего жилища, изгнать изъ Англіи, изъ земли, гдѣ ты обитаешь, . . . Обожаемая Лади, хотя бы я то и обѣщалъ, хотя бы на то и согласился, достанетъ ли у меня силъ повиноваться тому? Снѣдающая меня любовь, внушила мнѣ способъ проникнуть въ сіи мѣста, куда приходилъ я часто, чтобъ тебѣ сказать . . . . чтобъ заклясть тебя, окончать мои мученія. Рази, пронзи сіе сердце, которое уже не въ моей власти. Я познаю, что преступленіе возсылать къ тебѣ мои обѣты; порода полагаетъ между нами непреоборимую препону; поспѣшай совершить щастіе какого ниесть Лорда: но прежде нежели пойдешь къ олтарю, вонзи кинжалъ въ грудь злосчастнаго, который не можетъ, Миссъ, ни забыть тебя, ни престать обожать. Ахъ! могла ли я навлечь тебѣ всѣ сіи напасти, прервала Гелена! - Теперь, на верьху моего счастія! глаза твои склоняются къ моимъ, я возбуждаю въ тебѣ сострадание. . . . - Макинъ, скажи лучше нѣжнѣйшую и плачевнѣйшую любовь; что съ нами будетъ? Графъ Суффолкъ. . . - Ты его супруга! - Нѣтъ еще: но батюшка и вся моя фамилія опредѣлили сей бракъ; Макинъ, я трепещу. Естьли я отвергну ихъ требованія, то

они

они отмстятЪ надЪ всѣмЪ, дражайшимЪ для меня на свѣтѣ, надЪ тобою, за мой отказЪ; Милордъ, то мнѣ сказалЪ, и ты будетЪ жертва лютости; и такЪ должно. . . – Итти кЪ олтарю, чтобЪ другой. . . . Я не буду твоимЪ супругомЪ. . . АхЪ! МиссЪ, какой образЪ. . . Изрядно, повинуйся родителямЪ, должности, склонности, забудь, измѣни. . . . Обладательница моей жизни, и такЪ вЪ последній разЪ я тебя вижу! Не станемЪ говорить обо мнѣ: пусть меня угнѣтутЪ ужаснѣйшимЪ нещастіемЪ; пусть ввергнутЪ вЪ мрачныя темницы, вЪ средину земли, пусть истощатЪ надо мною всѣ мученія. . . когда я буду любезенЪ божественной Геленѣ, буду щастливѣйшій изЪ смертныхЪ: но. . . тутЪ касается до тебя, которую я долженЪ любить больше себя самаго; повинуйся своей судбинѣ, она тебя призываетЪ кЪ знатности, истреби изЪ памяти. . . На что тебѣ отдалять мою смерть.

МакинЪ, при послѣднихЪ сихЪ словахЪ, произнесенныхЪ слабымЪ голосомЪ, упалЪ безЪ чувствЪ кЪ ногамЪ юной Лади. Будучи одна вЪ ономЪ мѣстѣ, устращенная состояніемЪ своего любовника, и желая возвратить его кЪ жизни, она орошала его слезами и произносила ему самыя трогающія выраженія. МакинЪ открылЪ глаза, и увидя что помогаетЪ ему все что онЪ любитЪ, возрадовался и возопилЪ: и такЪ я любимЪ совершеннѣйшимЪ твореніемЪ небесЪ: ахЪ! пусть я умру

въ семъ сладостномъ исступленіи! Гелена; дражайшая Гелена, ты плачешь, да соберутъ мои уста и мое сердце сіи неоцѣненныя слезы! Ахъ! мнѣ ничего неосталось дѣлать, какъ токмо умереть! я вкусилъ верьхъ благополучія.

Потомъ сіи любовники разлучились не рѣшась ни начемъ и не взявъ никакихъ мѣръ, обѣщевая часто видаться и разговаривать съ большимъ жаромъ о любви, которую можетъ быть невинность учиняла сильнѣйшею; потому что страсть непричастная развращенію чувствъ, получаетъ отъ нее больше силы и продолженія. Ничто такъ не уподобляется добродѣтели, какъ чистая и нѣжная любовь; оттуда то проистекаютъ сіи жертвы, кои удивляютъ человѣчество и кои возводятъ иногда слабѣйшій нашего полъ къ великимъ дѣйствіямъ и превыше знаменитыхъ мужей и героевъ древности.

Гелена прибѣгаетъ къ матерней нѣжности, призываетъ чувствительность Лади Дорсетъ: — Матушка одну васъ умоляетъ ваша нещастная дочь; конечно я васъ найду сострадательнѣе Милорда; я вамъ обоимъ открыла свое сердце, оно полно любви . . . не возможно мнѣ покориться разумнымъ вашимъ совѣтамъ и свѣту сего разума, которому я больше не внемлю; я признаю себя виннѣйшею изъ всѣхъ женщинъ, естьли преступленіе любить, предмѣтъ достойный всей моей нѣжности;

сти; ахЪ! матушка, естьли бы вы знали... — Дочь моя, здѣсь не мать упрекающая тебя и употребляющая власть данную ей отЪ небесЪ, а пріятельница сожалѣющая о тебѣ и непремѣнно хотящая вывесть тебя изЪ заблужденія, вЪ которомЪ ты упрямишься пребывать погруженною; я не намѣрена питать твою ошибку. НѣтЪ надежды заключить тебѣ обязательство, противное благородству нашей крови, законамЪ, благопристойности и должности твоей: все противится сему неравному соединенію. Еще повторяю тебѣ; я чувствую твои напасти, и раздиранія твоего сердца; но мы требуемЪ жертвы сЪ твоей стороны и ожидаемЪ того отЪ дружбы твоей кЪ родителямЪ, равно какЪ и отЪ любви кЪ чести... — Довольно сударыня! Естьли вы рѣшились отказать мнѣ то, что совершило бы мое желаніе; дозвольте мнѣ по крайнѣй мѣрѣ уклониться отЪ ига, котораго бремени я не вЪ состояніи снести; естьли я не могу принадлежать Макину, пусть я не буду ничьею! Позвольте краткія дни, которыя мнѣ осталось жить, провести сЪ вами; по крайнѣй мѣрѣ позволено мнѣ будетЪ безЪ препятствія проливать слезы; я не присовокуплю невѣрности и вѣроломства кЪ моимЪ заблужденіямЪ, я буду властна надЪ моимЪ сердцемЪ и чувствованіями!.. — МиссЪ, не вЪ моей власти исполнить твою прозьбу: МилордЪ и весь нашЪ домЪ расположили твоимЪ жребіемЪ; ты не принадлежишь ни себѣ самой, ни намЪ;

намъ; а покорена своей фамиліи, Королю и государству; бракъ твой опредѣленъ и Графъ Суффолкъ приметъ твою руку. Сего союза не возможно ни разорвать. ни отсрочить; мы отвратимъ наши глаза отъ слезъ твоихъ и ты пойдешь къ олтарю.

Между тѣмъ какъ вошелъ Лордъ Дорсетъ, Гелена побѣжала обнять его колѣна и немогла иначе изъясниться, какъ только чрезъ воздыханія, испуская при томъ плачевные вопли. Но отецъ ея тоже почти ей отвѣчалъ, что и мать; и такъ нещастная Гелена вотще истощила свои прозьбы, и всѣ знаки самаго лютѣйшаго отчаянія: злощастіе ее было очевидно.

Отецъ ея и мать раздѣляли въ глубинѣ своего сердца мученія, которыя она чувствовала; они обожали свою дочь и плакали въ тайнѣ о жестокой необходимости противиться ея склонности. Братъ Лордовъ, совсѣмъ отличный отъ сего послѣдняго, ни очемъ больше не старался, какъ объ утушеніи такъ называемаго имъ безумія отеческой любви; сей испорченный человѣкъ не вѣдалъ другаго достоинства, кромѣ блистанія и знатности; былъ онъ одинъ изъ рабовъ двора, которые пріемля съ радостію оковы, хвалятся ими. Онъ не могъ вообразить, чтобъ знатная дѣвица могла испустить хотя одинъ вздохъ въ благосклонность нискаго дворянина; обременилъ въ семъ случаѣ свою пле-

племянницу жестокими выговорами и явно насмѣхался снисхожденію, которое хотѣли употребить братъ его и невѣстка. Графъ Суффолкъ скоро будетъ, говорилъ Дорсетъ Гелен ѣ: покрайнѣй мѣрѣ скрывай свою печаль. – Какъ! родитель мой! я не буду Макинова, а другой будетъ моимъ мужемъ! увы! почто не позволяете мнѣ ожидать смерти въ вашемъ домѣ! – Самъ Король, дочь моя сдѣлалъ сіе обязательство, не возможно медлить; я тебя заклинаю, чтобъ Графъ неузналъ тайны твоего сердца, или ты хочешь насъ посрамить? – Вы мнѣ приказываете чтобъ я поѣдала свои слезы! . . . Родитель мой! вы мнѣ приказываете обманъ, измѣну? – Нѣтъ, любезная дочь, я тебѣ не приказываю, а прошу, чтобъ ты принудила себя; здѣсь притворство необходимо: время, добродѣтель, угожденія твоего супруга, уничтожатъ сіи чувствованія. . . – Уничтожатъ, родитель мой! Не ожидайте сего, не ожидаете; я невозможное предпріиму, чтобъ скрыть отъ всѣхъ смятеніе сердца? . . но ахъ! Макинъ всѣмъ имъ будетъ обладать. Я возобновляю здѣсь ему клятву, предъ вами, предъ вами самимъ; вотъ единый предметъ, который будетъ владычествовать надъ моею душою, и которому я буду возсылать мои воздыханія и сіи слезы, которыя хотятъ, чтобъ я скрывала. Увы! дочь ваша не долго будетъ винна.

Между тѣмъ вошелъ Графъ Суффолкъ. Онъ оказываетъ всѣ учтивости дочери Лорда; хвалитъ ея красоту и пріятности;

 бла-

благодаритЪ свою судьбину, долженствующую учинить его щастливымЪ обладателемЪ толикихЪ прелестей; и присовокупляетЪ, что какЪ бы скоро ни поспѣшали бракомЪ, щастіе его кажется ему весьма отдаленнымЪ. Оставили его наединѣ сЪ Геленою: но она не имѣла силы скрыть своего смущенія и печали. – Требованіе мое, МиссЪ, не будетЪ ли одно согласіе вашихЪ родителей? и дадите ли вы мнѣ свое? Я ощущаю пріятнѣйшее удовольствіе сказать вамЪ, что не знатность вашего рода, ни милости, которыми пользуется вашЪ родитель отЪ двора, внушили мнѣ желаніе войти вЪ вашЪ домЪ: но долговременная страсть принудила меня осмѣлиться просить вашей руки. Должности моего званія призывали меня на брань, но мы возвратились побѣдителями. КакЪ я былЪ бы счасливЪ, естьли бы прекрасная Гелена была мздою слабыхЪ моихЪ успѣховЪ! СамЪ Король принимаетЪ участіе вЪ семЪ союзѣ, который будетЪ утѣхою моей жизни. Но МиссЪ, вЪ минуту, когда я почитаю себя счасливѣйшимЪ изЪ смертныхЪ, примѣчаю, что видЪ мой причиняетЪ вамЪ нѣкакую досаду! вижу слезы вЪ прекрасныхЪ вашихЪ глазахЪ . . . — Я, МилордЪ! . . . я не плачу . . . — Но говоря мнѣ, что не плачете, знаки печали противЪ воли вашей оказываются на вашемЪ лицѣ! МиссЪ, я думаю, что вы меня поняли; почтеннѣйшая и страстнѣйшая любовь меня кЪ вамЪ привела: но сія любовь толико

нѣж-

нѣжна, что естьли она не можетъ имѣть мѣста въ вашемъ сердцѣ, и стоитъ вамъ хотя одной слезы, . . . принесется вамъ въ жертву. Желаніе Государя, благопріятствующаго сему соединенію, желанія вашей фамиліи, мои толь пламенныя: я отвергну всѣ сіи выгоды, естьли не получу обожаемой Гелены . . . — Ахъ Милордъ! . . . — Вашъ любовникъ будетъ имѣть все благородство друга; откройте мнѣ свою душу: она обремененна тяжестію бремени, я то вижу; предупредилъ ли меня счасливѣйшій соперникъ? Удостойте меня своею повѣренностію; я вамъ обѣщаю ненарушимое молчаніе . . . Подумайте, Миссъ, что я имѣю омерзѣніе быть вашимъ тираномъ; вы задыхаетесь отъ слезъ! Бога ради, объявите мнѣ причину, заставляющую васъ проливать оныя. Повергаюсь къ вашимъ ногамъ, и несколько требую любви, сколько откровенности . . . - Милордъ . . . Милордъ . . . Встаньте . . . я бы желала . . . но немогу . . . ахъ! позвольте мнѣ удалиться.

Между тѣмъ входитъ Лордъ Дорсетъ. Не знаю, сказалъ ему Графъ Суффолкъ, откуда происходитъ сія томная печаль, которую Миссъ тщетно скрыть старается? Милордъ, не огорчилъ ли ее мой поступокъ? Раздраженный отецъ, бросаетъ свирѣпый взглядъ на дочь свою, которая не могши онаго снести, уходитъ.

Дор-

Дорсетъ возобновляетъ разговоръ: любезный Графъ, сіе замѣшательство, и сія печаль не должны васъ удивлять; молодая дѣвица, получившая благоразумное воспитаніе, съ прискорбіемъ оставляетъ отеческій домъ. Признаюсь, отвѣчаетъ Суффолкъ, что я обожаю вашу дочь; любовь, Милордъ, больше имѣетъ участія въ семъ требованіи, нежели всѣ другія побужденія: но тщетно будетъ и ваше согласіе и желаніе нашего Монарха, естьли прекрасная Гелена не согласится. Сей союзъ какъ бы ни былъ для меня лестенъ, однако я его не пріиму, когда прелестная ваша дочь пойдетъ къ олтарю съ скорбію.

Лордъ силится разогнать безпокойство Суффолка и успѣваетъ въ томъ. Потомъ бѣжитъ къ своей дочери, которая была одна: Что ты сдѣлала Гелена? Дочь недостойная родившихъ тебя . . . ты хочешь покрыть своего отца и весь домъ вѣчнымъ срамомъ. Естьли еще окажется твоя слабость, твое преступленіе, которое есть одно изъ непростительныхъ . . . Естьли Графъ Суффолкъ узнаетъ. . . трепещи . . . бойся мщенія . . . – Ахъ! родитель мой, почто его отлагаете, сіе мщеніе, которое окончитъ мои напасти? Я вамъ открыла раздиранія моего сердца: для чего вы его не умертвите? Разите, вотъ грудь моя! (Упавъ къ его ногамъ) отнимите несносную для меня жизнь, воспріимите родитель мой сей даръ, которымъ я вамъ долженствую;

отъ вашей руки смерть для меня будетъ неоцѣненнымъ благодѣяніемъ; не отвергните моей прозьбы . . . Я больше не властна скрывать слезы; онѣ измѣнятъ всѣмъ моимъ усиліямъ. Родитель мой, нигдѣ я не обрѣту покоя, какъ токмо во гробѣ!

Дорсетъ поднялъ свою дочь, потомъ смотря долго на нее, прижалъ къ своей груди и съ плачемъ ей говорилъ: Гелена, ты моя утѣха, ты обѣщеваешь сладостное утѣшеніе моей старости, похочешь ли ты сдѣлать меня нещастливѣйшимъ изъ отцовъ? Гелена примѣтя слезы Лорда, и сжавъ его въ своихъ объятіяхъ, возопила: родитель мой! дочь ваша будетъ вамъ послушна, и умретъ отъ того: но она исполнитъ свою должность, принудитъ себя . . . . скроетъ снѣдающую ее печаль; ожидайте всего отъ любви ея къ дражайшимъ родителямъ.

Гелена въ сію минуту мало спрашивала свое сердце, оно не въ силахъ было покориться законамъ, которыя она хотѣла на него наложить. Каждой разъ, когда она видала Графа Суффолка, обѣщавалась показывать лице, которое никакъ не измѣнитъ въ тайнѣ: но сія тайна всегда оказывалась. Изъ всѣхъ страстей, любовь безъ противорѣчія наибольше примѣтна; а наипаче открывается она въ молодыхъ людяхъ, коимъ живость безпритворной души измѣняетъ. Притворство свойственно

тѣмъ

тѣмъ только душамъ, которыхъ опытъ и злоупотребленіе общества просвѣтили обманами и ненаградимыми разумомъ и разсудкомъ уронами. Гелена совсѣмъ предалась склонности, которую все ей повелѣвало истреблять; и чтобъ одержать побѣду не надлежало имѣть предъ глазами любимаго предмѣта, а они видались часто въ томъ мѣстѣ, гдѣ Макинъ препровождалъ цѣлые дни, ободряемъ надеждою, что насладится хотя одну минуту зрѣніемъ своей обладательницы. Но сіи свиданія воспламеняли токмо ихъ любовь, неуменьшая невинности; и добродѣтель ни въ чемъ еще не могла имъ упрекать. Макинъ довольствовался стократно повторять, что онъ лучше жизнь потеряетъ, нежели оставитъ свою любовь. Оба любовники соединяли свои слезы, и сіи то были сладостные утѣхи, совершенное ихъ щастіе. День приближился, въ которой жребій ихъ долженствовалъ рѣшиться. Они съ ужасомъ взирали на сей предѣлъ страшный. Для несчастныхъ любовниковъ время съ крылами. Должно выйти изъ сего иступленія, гдѣ душа, нѣкоторымъ образомъ повѣшенная, вкушаетъ пріятность забвенія самой себя. Нещастіе во всемъ ужасѣ представляется Пажу и его любовницѣ. Уже назначали день, который можетъ быть принесетъ съ собою смерть симъ двумъ жертвамъ чувствительности. Въ сихъ то обстоятельствахъ Гелена бѣжитъ къ Макину: — Дражайшій мой! приговоръ надъ нами произнесенъ; тщетно проливала я источники слезъ у ногъ

ногЪ моихЪ родителей: нѣтЪ надежды. Торжество пріуготовляется; и при концѣ семи дней, я ужЪ больше не моя, не твоя . . . я Графа Суффолка. – И вы вознамѣрились . . . произнесете ему клятвы вЪ любви. – Что ты говоришь? Имѣла ли я когда другое намѣреніе, кромѣ тебя любить? АхЪ! можешь ли ты сомнѣваться о сей пагубной для насЪ страсти. ЕстьлибЪ я была властна надЪ моею судьбиною, сомнѣваешься ли ты, чтобЪ я сего же дня не соединила ее сЪ твоею! МакинЪ, несноснѣйшее и позорнѣйшее несчастіе, бѣдность, нужда, пустыня, которую бы я раздѣлила сЪ дражайшимЪ для меня сокровищемЪ: вотЪ состояніе, которые бы я приняла и предпочла всѣмЪ чинамЪ, и самому царству свѣта: но не раба ли я всему меня окружающему? Мое сердце . . . АхЪ! мое сердце будетЪ всегда . . . Склонно кЪ тому кто вЪ скорости пріиметЪ твою руку, прервалЪ ПажЪ сЪ сердцемЪ. Ты любишь! ты чувствуешь искру сего пламени . . . которой совершаетЪ мое злополучіе. Я нашелЪ способЪ погасить оной. АхЪ! МиссЪ, вѣрь мнѣ, что никто тебя не можетЪ больше любить какЪ МакинЪ, и вотЪ доказательство:

ВдругЪ молодой человѣкЪ вынимаетЪ скоропостижно изЪ подЪ одежды кинжалЪ, поражаетЪ имЪ себя вЪ грудь и упадаетЪ кЪ ногамЪ своей любовницы плавая вЪ крови . . . . Гелена испускаетЪ вопль, и не помышляя о собственной

ной своей опасности, но только заботясь о несчастіи своего любовника, бросается изъ часовни искать помощи. Остановись, сказалъ ей Макинъ ослабшимъ голосомъ и влеча себя къ ея колѣнамъ, нѣтъ надобности призывать свидѣтелей моей смерти; мнѣ осталось только посвятить тебѣ послѣдній мой вздохъ.

Не можно изразить отчаянія Гелены - Ахъ! Макинъ, дражайшій мой Макинъ! отвѣчай, говори, что мнѣ должно дѣлать для сохраненія твоихъ дней. Увы! недороже ли они мнѣ тысячекратно моей жизни? Располагай располагай моимъ жребіемъ; я не пойду за Графа Суффолка; тебя я буду именовать моимъ супругомъ, моимъ любовникомъ, моимъ верьховнымъ судіею; такъ, я тебѣ клянусь въ томъ симъ Богомъ, который насъ слышитъ, и которому посвященно сіе убѣжище; Макинъ, ты мой супругъ.

Сіе слово произвело чудо; несчастный Пажъ воспріймаетъ жизнь. - Я буду твоимъ супругомъ! О небо! и я обязуюсь тою же клятвою отдать сердце и всѣ мои помышленія обожаемой Геленѣ. Владычица души моей, ты меня оживотворяешь; чувствую что я оживу, дабы быть счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Гелена повторяла въ плачѣ: я рѣшилась: не взирая на родителей моихъ, Едуарда и всю Англію, мы будемъ жить одинъ для другова, или умремъ вмѣстѣ.

Ма-

Макинъ по многимъ усиліямъ употребленнымъ отъ него для остановленія текущей изъ раны его крови, удалился оттуда, въ то время, когда любовница его возвратилась къ замку въ волненіи, котораго нимало не старалась скрыть. Тамъ предавшись совершенному отчаянію, говорила явно, что нѣтъ ей силы повиноваться; Макинъ не можетъ выйти изъ ея сердца, словомъ, она никогда несогласится признать другаго своимъ мужемъ. Лордъ и жена его напрягали всѣ свои силы, дабы привесть Гелену къ своей волѣ; угрозы, прозьбы, слезы, все было употреблено. Сіе послѣднее средство было самое сильное оружіе, которое могло покорить юную Лади; ибо она весьма нѣжно любила своихъ родителей; а наипаче отецъ ей столь былъ милъ, что она иногда отступала отъ власти своего любовника.

Однако Гелена противилась убѣжденіямъ своей фамиліи; она казалась отягченною отъ смущеній, которыя она испытывала; когда ей случалось видѣться съ Графомъ, то одни воздыханія были ея рѣчьми, и на всѣ увѣренія, которыя онъ ей истощалъ, не могъ онъ получить отъ нее нималѣйшаго отвѣта. Въ такомъ волненіи души, ходила она многократно въ часовню; но не видитъ тамъ Макина, ожидаетъ его тщетно и не зная что подумать о семъ отсутствіи впадаетъ въ страхъ. - О небо! что съ нимъ сдѣлалось?

Рана его . . . . не лишился ли онъ жизни? Макинъ! дражайшій мой! ты отъ меня похищенъ! я тебя больше не увижу! . . . . нѣтъ! не буду я жить послѣ тебя . . . . Я причина твоей смерти! для меня ты . . . Почто не оказала я тебѣ всей моей любви! мнѣ бы надлежало первѣе сниши во гробъ!

Гелена прибѣжавъ къ своему отцу внѣ себя, говорила: – Милордъ, не можете ли вы мнѣ обЪявить о судьбинѣ Макина? . . . . (Лордъ смутился); она вамъ безъ сомнѣнія извѣстна. Скажите мнѣ, батюшка, скажите, или я умру у ногъ вашихъ. Дорсетъ ничего не отвѣчалъ; но чѣмъ больше онъ молчалъ, тѣмъ паче умножалось его замѣшательство: что можетъ скрыться отъ проницательныхъ очей любви? Гелена настоитъ, проситъ, обнимаетъ родительскія колѣна: – Дражайшій мой родитель! хотя для имени сего, которое я произношу всегда съ восхищеніемъ, будьте чувствительны къ жестокому моему состоянію: сжальтесь надо мною, выведите меня изъ неизвѣстности, въ которой ваше молчаніе меня погружаетъ: гдѣ Макинъ? Убѣжденный прозьбами дочери своей Дорсетъ, открылъ ей, что братъ его не взирая на его сопротивленіе, испросилъ отъ Едуарда повелѣніе заключить Пажа въ темницу; и онъ не прежде будетъ оттуда выпущенъ, продолжалъ Лордъ, какъ послѣ твоего бракосочетанія. Ты такъ забыла свою должность, что не хочешь и мнѣ по-

повиноваться . . . . Ты знаешь своего дядю и его не преклонный нравъ; я опасаюсь, чтобъ Макинъ не заплатилъ своею вольностію, а можетъ быть и жизнію . . . . – Дни его въ опасности, батюшка! чтожъ . . . чтожъ . . . должно ли . . . я готова умереть; пусть онъ живетъ! Чтобъ оковы были съ него сняты, а . . . . супруга Графа Суффолка не долго будетъ клятвопреступна и не вѣрна въ священномъ своемъ обѣщаніи . . . Макинъ въ цѣпяхъ! Не довольно ли я уже причинила ему напастей? – Оковы съ него спадутъ, какъ скоро ты заключишь сіе обстоятельство, желаемое отъ самаго Короля. Гелена нѣсколько времени хранитъ молчаніе, потомъ отчаяннымъ голосомъ говоритъ: онъ будетъ освобожденъ!

Въ самомъ дѣлѣ Лордовъ братъ приказалъ задержать Макина. Сей нещастный узнавъ причину своего заключенія вооружается сверхъестественною твердостію: – Вотъ мое преступленіе, вотъ злодѣйство, за которое ввергаютъ меня въ темницу! Но пусть не ожидаютъ отъ меня оправданія! Ахъ! я за славу себѣ поставляю, что заслужилъ сію крайнюю несправедливость и сіе варварство; такъ я люблю, боготворю дочь Милорда Дорсета. Извѣстите (говорилъ онъ служителямъ Лордова брата, которые стояли около его), извѣстите, что я возобновляю здѣсь клятву сохранить къ ней любовь до послѣдняго моего издыханія. Вы угро-

 жаете

жаете умножить тяжесть моихъ оковъ? Обремените меня самыми тягчайшими цѣпями; истощите надомною всѣ казни; но доколѣ сердце мое будетъ биться, дотолѣ оно будетъ исполнено образомъ Гелены: вотъ мое послѣднее обѣщаніе. Хотѣли его принудить, чтобы онъ написалъ къ молодой Лади, что онъ перестал ее любить, и за сіе получитъ свободу, возведутъ его къ знатности, къ достоинствамъ. Макинъ, не отвѣчая ничего, требуетъ пера и чернилъ, что ему немедленно и принесли, не сомнѣваясь, чтобъ онъ неисполнилъ предложенія, которое на него налагали. Но какимъ удивленіемъ были объяты, когда посмотрѣли на письмо, оживленное самыми нѣжными и трогающими выраженіями, гдѣ Макинъ обѣщевалъ юной Лади любить ее еще больше! Одно сіе, говорилъ онъ, могу я писать къ обладательницѣ моей жизни! Можете ли вы думать, чтобы я былъ орудіе мерзостнаго вашего обмана? Удвойте мои мученія, изобрѣтайте новыя, умертвите меня; языкъ мой и сердце суть провозвѣстники одной злощастной страсти.

Производятъ надъ симъ нещастнымъ неслыханныя мученія; самая грубѣйшая пища едва ему давалась, и неударялъ въ темницу его свѣтъ, какъ сквозь нѣкакую продушину; можетъ быть, удобно ему было и окончить жизнь; ибо какая ето жизнь? но любовь удерживала его, онъ немогъ увѣриться чтобъ не-

неможно было ему увидѣть Гелену. Сіе ожиданіе есть общая погрѣшность всѣхъ любовниковъ; они не воображаютъ, чтобъ предмѣтъ ихъ нѣжности могъ быть похищенъ. Таковые люди подобны очарованнымъ, которые безпрестанно льстятъ себя, что благодѣтельствующій духъ отмститъ за напасти духа гонителя.

Между тѣмъ насталъ день, предвозвѣстникъ того ужаснаго дня, въ которой Гелена долженствовала совокупиться на всегда съ другимъ, а не съ Макиномъ. Сія нещастная жертва знатности и честолюбія, представляла себѣ одинъ токмо олтарь, украшаемый къ ея казни, или лучше, сіе ужасное воображеніе ежечасно ее умерщвляло. Отъ одного только воображенія усладить горестную судьбу своего любовника, она чувствовала, что еще имѣла дыханіе. Небо! за какую цѣну разорвутся его оковы! Но онъ будетъ живъ, ему возможно будетъ нести свои стенанія въ другія мѣста. Но когда Гелена входила далѣе въ свое серце; она ощущала чувствованіе совсѣмъ отмѣнное; то есть, желаніе увидѣть Макина, и чтобъ онъ не удалился отъ мѣстъ, въ которыхъ она обитала. По крайнѣй мѣрѣ, говорила она, онъ будетъ близъ меня, можетъ быть взгляды мои встрѣтятся съ его очами, наши сердца будутъ между собою говорить, а любовь наша будетъ питаться слезами; довольно будетъ для насъ и сего; извѣстность же, что мы любимся въ тайнѣ, будетъ нашею утѣхою, нашимъ щастіемъ. . . . Но я буду супруга

Графа Суффолка. Ахъ! Тутъ то я и учиняюсь преступницею! или не можетъ нѣжность быть изъята отъ бѣдъ и преступленій!

Ночь приближилась; младая Лади, въ неизвѣстности и какъ будто насильнымъ движеніемъ влекомая, пошла къ часовнѣ; вошедъ туда повергается къ подножію жертвенника: – О Боже мой, теперь то я призываю твою благость, ты моя подпора! Премѣни мое сердце, сіе сердце излишно чувствительное; пошли мнѣ силу окончить жертву, . . . коей исполненіе будетъ безъ тебя невозможно; возврати свободу нещастному, котораго я люблю больше прежняго! Ахъ Зиждителю мой! или ты неможешь загасить во мнѣ сію любовь, которая учиняется преступленіемъ? Ты зришь мою душу, Боже мой, пошли мнѣ крѣпость наложить ей законы. . . . Ужъ ли осталась мнѣ одна смерть?

Говоря сіи слова Гелена простиралась и орошала землю слазами. Но нечаянный шумъ поразя ея слухъ, такой навелъ на нее ужасъ, что она вставши хотѣла бѣжать. Постой, вскричалъ ея любовникъ снисходя въ сіе убѣжище, остановись дражайшая Гелена! Лади сдѣлалась неподвижною отъ удивленія. – Какъ! какимъ чудомъ. . . я тебя вижу Макинъ! Тебя выпустили изъ темницы. . . – Такъ, я на свободѣ; но. . . я самъ разорвалъ мои оковы, и обманулъ неусыпность стражей; я все знаю, знаю, что завтре союзъ, лютый союзъ,

союзЪ, связуетЪ васЪ навсегда сЪ другимЪ, что вы идете вЪ обьятія. . . Графиня СуффолкЪ не можетЪ больше любить Макина! Однако есть еще время; вЪ вашей волѣ состоитЪ совершить благополучіе любовника чувствительнѣйшаго и злосчастнѣйшаго, естьли васЪ лишится. Чувствуете ли вы ужасЪ моего состоянія? – АхЪ! МакинЪ, а мое, мое меньше ли плачевно твоего? и меньше ли я тебя люблю? Говори, что мнѣ должно дѣлать, дабы скрыться отЪ ига коего тяжесть я уже чувствую. – И такЪ вы меня любите? – Тебѣ ли о семЪ меня вопрошать – Довольно обожаемая Лади, сЪ сей минуты соединимся мы клятвою; . . . пусть согласіе сердецЪ совокупитЪ насЪ; а свидѣтелемЪ и попечителемЪ пусть намЪ будетЪ самЪ БогЪ. Обѣщай мнѣ вЪ присутствіи сего Бога, который насЪ внемлетЪ, признать меня своимЪ супругомЪ и покориться моей судьбинѣ. (Гелена сЪ трепетомЪ клянется признать Пажа за своего супруга); совершилось! небо приняло наши обѣты; и вы не можете ихЪ нарушить, не сдѣлавЪ мерзостнаго вѣроломства. И такЪ супругЪ вашЪ, вашЪ любовникЪ, сообщаетЪ вамЪ предпріятіе, отЪ котораго зависитЪ его благополучіе и жизнь: Все приготовлено; вЪ сію ночь судно насЪ ожидаетЪ подЪ стѣнами сего замка: мы бѣжимЪ. . . – О Небо! МакинЪ, что ты мнѣ предлагаешь?. . – Развѣ вы забыли, что вы моя, что я пронжу грудь мою тьмократно кинжаломЪ, естьли вы хотя одну минуту станете сомнѣваться

ся послѣдовать за мною. Вы видѣли всю жестокость моей любви . . . – Ахъ! и такъ должно разлучиться съ моимъ отцемъ, съ любезнѣйшею матерью . . . со всею фамиліею . . . Дражайшій супругъ, такъ, ты повелитель моего жребія и сердца: но измѣнить моимъ родителямъ; оставить ихъ, когда они открываютъ мнѣ свои перси, когда я еще обмочена ихъ слезами, огорчить ихъ и никогда не увидѣть . . – Не довольно еще ты причинила мнѣ мученій? За тебя, неблагодарная, за тебя, я былъ погребенъ въ темницѣ, за тебя смерть . . . Я бѣгу туда, иду повергнуться къ ногамъ твоихъ родителей, испрошу у нихъ, чтобы меня наказали самимъ ужаснѣйшимъ образомъ; ешафотъ мой будетъ предъ твоими глазами, и отъ сего то знака твоей неблагодарности и варварства прейдешь ты къ олтарю . . . – Макинъ . . . постой на минуту . . . до какой крайности я доведена? Тебѣ ли, о! несправедливѣйшій изъ человѣковъ, сомнѣваться о моей нѣжности? Дай мнѣ время подумать . . . – Завтре, какъ скоро покажется день, то ты уже во храмѣ; намъ остались не многіе часы; подумай прилѣжнѣе, а въ полночь приходи въ сію часовню, гдѣ я тебя буду ожидать; судно будетъ въ готовности и мы уѣдемъ во Францію, откуда ты можешь писать къ Лорду Дорсету; онъ тебя любитъ; отеческая любовь не можетъ быть непреклонна; а когда онъ проститъ насъ, то мы немедленно возвратимся обнять

его колѣна . . . Мы будемъ наслаждаться его лобзаніями, и вкусимъ пріятности благополучія, котораго уже не возмутятъ страхи и опасности . . . . Мнѣ надобно теперь тебя оставить, чтобъ все пріуготовить къ отѣзду . . . Помни, что жизнь моя зависитъ отъ тебя.

Возможно ли представить подобное сему зрѣлище? Гелена угнѣтенная, изнеможенная влечетъ себя къ дому, гдѣ первый предмѣтъ поразившій ея взоры была мать ея, бѣгущая ввергнуться къ ней въ объятіе. - Дочь моя, любезная моя Гелена, намъ обоимъ чувствительны раздирающія тебя мученія; но мы уступаемъ необходимости и закону, которой все на насъ полагаетъ. Ты знаешь, сколько ты намъ любезна; отецъ твой утопаетъ въ слезахъ, хотя и старается скрыть свое смущеніе и сіи слезы, которыя онъ о тебѣ проливаетъ. - Какъ! сударыня, неможно отдалить сего обязательства? - Это приговоръ невозвратимый; дочь моя! завтре ты выйдешь изъ нашихъ объятій, въ объятія супруга . . . Графъ съ нетерпѣливостію ожидаетъ сего соединенія, онъ тебя любитъ: - Любитъ, матушка! или вы забыли, что сердце мое не для него сотворено, что другой . . . Вы меня принуждаете къ тому . . . - Изъяснись, Гелена; душа твоя угнѣтена, открой мнѣ вину особливаго твоего смущенія. - Обвиняйте себя, свою жестокость . . . Ахъ! матушка, простите моему изступле-

нію . . . Естьлибъ вы знали . . . Такъ, вы мнѣ любезны, и сія то любовь полагаетъ верьхъ моимъ мученіямъ.

Лордъ входитъ: онъ истощаетъ самыя нѣжныя ласки несчастной Геленѣ, которая показывала весь безпорядокъ своей души. Родители ея приписывали сію перемѣну нѣжности дочери, которая похищается изъ родительскаго дому, дабы принять другія законы и должности. Юная Лади кидаясь безпрестанно въ ихъ обьятія горько плакала; двадцать разъ тайна излѣтала на языкъ ея, и сердце ея изнѣможенное отъ толикихъ ударовъ готово было ей измѣнить; она намѣревалась уже сказать: но воображеніе о потерѣ любовника удерживало ее. Какое возмущеніе чувствъ она ощутила, когда пришла минута, въ которую по обыкновенію ихъ земли, долженствовала она принять благословеніе отъ отца и матери! Тутъ то голосъ ея изчезаетъ отъ плача; она испускаетъ вопль и немогши оставить обьятій своихъ родителей, упадаетъ въ обморокъ. Служители относятъ ее въ спальню и какъ скоро она очувствовалась, уходятъ оставляя ее въ покоѣ.

Въ покоѣ! не было ужъ его больше для сей злосчастной! Вотъ слѣдствія страстей; а все еще хвалятъ пріятности и утѣхи любви! Несчастное юношество! познай источникъ пагубныхъ твоихъ заблужденій, тѣмъ лютѣйшихъ,

шихЪ, что бѣдствіе, а часто и самое беззаконіе скрывается подЪ прелестью обманчивыхЪ наружностей.

Младая Лади вышла изЪ сего забвенія; но какое зрѣлище представляется ея взорамЪ, когда она воображаетЪ всю глубину бездны, вЪ которую спѣшитЪ низринуться! Единая дочь, любовь, утѣшеніе, надежда своей фамиліи, возведенная природою вЪ достоинство, коего блистаніе послужитЪ токмо кЪ вящшему стыду и поношенію ея поступка, наслаждающаяся почтеніемЪ другаго, своимЪ собственнымЪ до сей минуты, которая готовится разрѣшить остатокЪ ея дней; таковыя были черты поражающія Гелену. АхЪ! что скажетЪ Англія, цѣлый свѣтЪ, когда сіе произшествіе разнесется! КакимЪ опасностямЪ они подвергнутся! Она видитЪ всѣ несчастія упадающія на ея главу, судьбину несравненно злѣйшую самой смерти. Исторгнуть себя изЪ обьятій своихЪ родителей! на всегда! . . какой образЪ! она упадаетЪ вЪ прежнее ничтожество. Тогда любовь востаетЪ вЪ сей душѣ волнуемой толикими бурями; входитЪ паки вЪ оную, или лучше господствуетЪ тамЪ сильняе прежняго; вЪ скорости она ни о чемЪ не думаетЪ, кромѣ Макина, и ничего не видитЪ кромѣ ужаснаго жребія, которой его ожидаетЪ, естьли она хотя минуту замѣдлитЪ ему послѣдоватъ. Она оставляетЪ все; все посвящаетЪ: но будетЪ жить сЪ единымЪ пред-

предмѣтомъ, которой ее оживотворяетъ; любовникъ будетъ ей служить вмѣсто всего того, что она ни принесетъ ему въ жертву.

Гелена погруженная въ слезахъ, обремененная игомъ своего состоянія, не вѣдущая на которою сторону склониться, умирающая подъ толикою тяжестію, рѣшилась наконецъ; она лежала на земли, утопая въ слезахъ: но вдругъ встала въ восторгѣ: – Дѣло идетъ о Макинѣ, о всемъ мною любимомъ . . . довольно сего.

И такъ принудивъ себя и призвавъ всю свою бодрость идетъ медлительно къ реченному мѣсту. Какія новыя волненія не тревожили ее! сколько кратъ обращала она свои взоры на замокъ, гдѣ получила жизнь, куда она не возвратится больше, и гдѣ она оставила своихъ родителей, которые непомышляя о бѣгствѣ своей дочери, покоились съ безопасностію, и можетъ быть занимались попеченіемъ оказать ей новыя знаки своей нѣжности, когда она имъ измѣняла, когда подвергала ихъ смертельной печали, которую долженствовалъ имъ причинить побѣгъ ея: всѣ сіи черты пронзали грудь Гелены, и каждая изъ оныхъ была смертельна. Она приходитъ къ часовнѣ, обнимаетъ подножіе жертвенника: – Боже мой, Боже мой! предъ тобою я произносила клятвы; умилосердись, не отьйми отъ меня твоего заступленія: Ты моя единая подпора; и во всей вселенной единъ помощникъ . . .

Не

Не можетъ окончить; источникъ слезъ прерываетъ ея гласъ. Но какія слова могутъ изразить то, что она ощутила увидѣвъ своего любовника! Колѣна ея трясутся; хочетъ говорить: но языкъ ея пребываетъ неподвиженъ. Подите, сказалъ ей молодой человѣкъ, желая нетерпѣливо извлечь ея изъ оныхъ мѣстъ, предайте себя въ мою волю, обожаемая Лади! насъ ожидаютъ; все готово; пойдемъ: - Куда ты меня ведешь? . . Постой . . . - Не можно ждать ни одной минуты; день вскорости покажется, и . . . Ты меня любишь, божественная Лади, ты мнѣ въ томъ клялась. - Люблю ли я тебя! о небо! . . . Но Макинъ . . . - Подумайте, что я тайно ушелъ отъ нашихъ мучителей; время кратко, дни мои . . . - Твои дни, дражайшій любовникъ! . . . я слѣдую за тобою.

Гелена упадаетъ въ обьятія Пажа, испустивъ плачевный вопль, наподобіе умирающаго человѣка; Макинъ ее поддерживаетъ, или лучше несетъ ее на лѣсницу; такимъ образомъ они выходятъ на другую сторону стѣны. Макинъ непокидая поддерживаетъ несчастную свою любовницу, готовую на всякомъ шагѣ испустить духъ. Они приходятъ къ морскому берегу, гдѣ и дѣйствительно ожидало ихъ судно. Многіе друзья молодаго человѣка обѣщались сдѣлать ему товарищество; имъ только надлежало поскорѣе отвалить отъ Англій-

Англійскихъ береговъ; а отъѣхавъ миль десять до Французской пристани, они бы были въ безопасности отъ всякой погони.

Друзья Макиновы не являются; темнота изчезаетъ, а свѣщи зажженныя въ замкѣ показывали, что служители пробудились. Макинъ весь въ смятеніи обратился къ Геленѣ: - Не ужъ ли друзья мои убоялись мнѣ спомоществовать? Дражайшая супруга, презримъ дружество; одной любви намъ довлѣетъ; не первое чудо она произведетъ спасти насъ; подай мнѣ руку, войдемъ въ сію лодку: я самъ стану ею управлять. И немедля хватаетъ онъ Гелену, уноситъ ее съ берега и сажаетъ на скамью, которая находилась въ лодкѣ. Молодая дѣвица, при видѣ сего пространнаго жидкаго тѣла, которое она видала токмо съ высокихъ стѣнъ замка, чувствуетъ, что смятеніе ея умножалось. - Нестрашись, дражайшая Гелена: одинъ часъ избавитъ насъ отъ всей опасности; любовь не сомнѣнно будетъ насъ охранять...- Макинъ! теперь я вся твоя! Нѣтъ больше отца! нѣтъ матери! нѣтъ отечества! все тебѣ посвящено, любовь моя къ фамиліи, отечество, бытіе, что я говорю, слава моя... И можетъ быть здѣсь послѣдній день моей жизни.

Голосъ Гелены затушался въ воздыханіяхъ; она безпрестанно взирала на море и на пѣнящіяся волны, которыя перегоняя

одна

одна другую разбивались попеременно; потомъ обращала свои взоры къ родительскому дому; и когда сей послѣдній предмѣтъ скрылся отъ ея глазъ, то она жестоко возстенавъ, упала въ объятія Пажа: – Неочемъ больше думать, все совершилось безвозврату. Будь моимъ супругомъ, располагай моею судьбиною; для тебя одного, для одного тебя, Гелена хочетъ жить и умереть.

Ужѐ Франція показывается жаднымъ взорамъ Макина; они къ ней достигали, и видѣли себя близъ пристани освобожденныхъ отъ всякаго бѣдствія и всякой опасности, могущихъ вкушать утѣхи независимости и предаться безпомѣшно своей любви. Но вдругъ вѣтръ поднимается; небо покрывается облаками; море свирѣпѣетъ; волны надуваются, ревутъ; буря востаетъ, умножается и покрываетъ весь Горизонтъ. Молодой человѣкъ удвояетъ свои усилія, и старается приплыть къ берегу накоторой глаза его были устремлены и которой казалось удалялся отъ него. Гелена показывала всѣ знаки смятенія, какія токмо могутъ возмутить молодую особу, въ первой разъ пренесенную на толь страшную стихію. Пажу надлежало и управлять лодкою и ободрять свою любовницу; онъ ни о чемъ не помышлялъ, кромѣ какъ объ одной Геленѣ и объ опасности, которая ей угрожала. Буря умножалась и распространялась во всей своей ярости; а бѣдная лодка, игралище вѣтровъ и

волнѣ, каждую минуту находилася вѣ опасности погрузиться: Макинѣ возсылалѣ Небу теплыя мольбы.

Со всѣмѣ они потеряли изѣ виду матерую землю; невѣдали куда ихѣ несла злая судьбина, и ничего невидѣли, кромѣ пространнаго гроба. Однако молодой человѣкѣ при каждомѣ взглядѣ на свою любовницу старался ободрять свои силы. Чего любовь не можетѣ здѣлать? Она возвысила сего несчастнаго превыше человѣчества и внушила ему чудную бодрость. Чтожѣ принадлежитѣ до дочери Лорда Дорсета, то она ужѣ нечувствовала своего состоянія; неподвижна, распростерта у ногѣ своего любовника, она являла ему страшный образѣ умирающаго человѣка. Пораженный симѣ зрѣлищемѣ Макинѣ, вопіетѣ: совершилось! . . . Когда я не могѣ жить сѣ тобою, такѣ умремѣ вмѣстѣ.

Сказавѣ сіе, повергается онѣ на тѣло Гелены, обнимаетѣ оное и хочетѣ ей посвятить послѣднее свое издыханіе.

Находятся минуты, гдѣ можно сказать, что любовь есть благотворительный духѣ, бдящій о жребіи тѣхѣ, коихѣ онѣ прельстилѣ! Лодка нѣкакимѣ чуднымѣ образомѣ противилась всѣмѣ нападеніямѣ бури, которая вскорѣ потомѣ утихла: день началѣ показываться. Макинѣ открывѣ глаза удивился возвращенію

своему

своему къ жизни. Первые его взгляды устремляются на Гелену безпрестанно пребывающую у ногъ его; сжавъ ее въ своихъ обьятіяхъ старается онъ удержать бѣгущую ея душу; неможетъ онъ повѣрить, чтобъ она небыла жива; и услыша испущенной ею вздохъ:– Ты еще жива, дражайшая обладательница моего сердца! Ахъ! пребудь противу сего сердца, которое тебя обожаетъ; почерпни въ немъ новыя огни, новыя чувствованія; дражайшая Гелена, открой глаза; посмотри на своего любовника, на своего супруга; дай ему вкусить утѣшеніе говорить съ тобою, и увѣрить тебя въ своей нѣжности! пусть первѣе я умру!

Гелена непримѣтно воспріимала свои чувства: а Макинъ ни на что больше не смотрѣлъ, какъ на единый сей предмѣтъ; онъ вопіетъ восхищенъ радостію; возсылаетъ благодареніе небесамъ; именуетъ стократно свою супругу и прижимаетъ ее къ своему сердцу: Лади открыла глаза: – Макинъ, мы еще живы, гдѣ мы? . . Знакъ ужаса показался на ея лицѣ, когда она увидѣла себя посредѣ неизмѣримаго пространства водъ, которымъ, какъ она ни смотрѣла, не находила конца. Ничего не представлялось ея зрѣнію, кромѣ небесъ и моря.

Порывыстый вѣтръ удвоялъ стремленіе лодки. Казалось Макину, что небыло для

 него

него больше опасностей: Гелена получила чувства; онъ имѣлъ во власти своей любовницу; держалъ въ своихъ объятіяхъ, все что онъ любилъ, не представляя преужасной бездны, готовой ихъ поглотить каждую минуту; и скрывая отъ себя, что единая ихъ надежда были худо соединенныя доски, которыя ихъ несли невѣдающихъ, гдѣ имъ небо опредѣлило гробъ. Однако молодой человѣкъ вооружается твердостію; онъ заготовилъ нѣсколько съѣстныхъ припасовъ, и убѣждалъ Гелену принять пищу; уступаютъ они необходимости глада: толико то природа печется о нашемъ сохраненіи, даже и посредѣ величайшихъ опасностей, кои намъ угрожаютъ!

Дочь Лорда Досертъ неимѣла бодрости своего любовника. — Что будетъ съ нами? Гдѣ скончаются наши напасти, говорила она? — Дражайшая Гелена, естьли на какомъ нибудь берегу, куда жребій насъ занесетъ, позволено мнѣ будетъ повторить мои клятвы, чтобъ тебя любить, чтобъ любить одну, то буду-ли я жаловаться на свою судьбину? Увы! должноли, чтобъ то былъ Макинъ, который возмущаетъ твое благополучіе и похищаетъ тебя отъ блестящаго состоянія! Гелена прервала его слова: ты меня любишь, о чемъ же мнѣ печалиться? . . . Одни родители мои. . . По сихъ словахъ она умолкаетъ, опасаясь оскорбить своего любовника: но неможетъ удержать слезъ.

И подлинно отецЪ и мать Гелены заслуживали ея любовь и сожалѣніе. Какой ударЪ поразилЪ ихЪ, когда какЪ скоро они пробудились, сказали имЪ, что молодой Лади не было вЪ покояхЪ, и что она безвѣстно пропала! Чинят всевозможныя поиски; не было ни одной улицы и ни одного закоулка вЪ Лондонѣ, гдѣ бы ее не искали; послали вскорости погоньщиковЪ вЪ разныя пристани Англіи, но не могли получить ни малѣйшаго извѣстія. И такЪ ЛордЪ ДорсетЪ совершенно увѣрился, что дочь его была похищена у него на всегда: жестокая извѣстность для отца! Жена его и онЪ обременяли себя укоризнами вЪ семЪ случаѣ, обвиняли себя взаимно, что хотѣли принудить Гелену, и оканчивали смѣшеніемЪ вмѣстѣ своихЪ стенаній и слезЪ. ДорсетЪ вскорѣ потомЪ оставилЪ общество; а паче всего отдалилЪ отЪ своего дому брата, которой сдѣлался ему мерзостію. Сей-то не умолимый человѣкЪ ввергнулЪ Макина вЪ темницу; а жестокій сей поступокЪ былЪ источникомЪ вѣчныхЪ слезЪ, которыя долженствовали проливать ЛордЪ ДорсетЪ и его супруга.

Много прошло дней; но никакая земля не представлялась зрѣнію бѣгущихЪ нашихЪ любовниковЪ; надежда, сей слабый лучь для несчастныхЪ, начала изчезать. КЪ совершенію несчастія, припасы истощились; гладЪ вскорости соединился со всѣми бѣдствіями,

 ощу-

ощущаемыми сею злополучною четою. Гелена ничего не говорила; слезы ея престали течь и она ожидала смерти съ нѣкоторою бодростiю, сидя подлѣ Макина, которой раздѣлялъ тяжкое ея бремя. Какое зрѣлище для любящаго сердца! Жена обожаемая, пожираемая нуждою, и ничего не могущая желать, кромѣ самой скорѣйшей смерти! Наконецъ и любовникъ ея чувствуетъ, что силы его ослабѣваютъ; сдѣлавшись не подвиженъ отъ печали, упалъ онъ на тѣло умирающей своей супруги.

Вдругъ ужасный и неожидаемый (*) шумъ, извлекъ сихъ несчастныхъ изъ забвенiя, которое

(*) *Вругъ ужасный и не ожидаемый шумъ* и пр. Сiя не обычайность не есть игра воображенiя: произшествiе справедливо; сочинитель приводитъ оное изъ *Всеобщей Исторiи Путешествований*. Португальцы, которые почитали себя свѣдущими о сихъ моряхъ, говорили,, что въ семъ мѣстѣ Океана, безпре-,, станно видѣлся не проницаемый мракъ, ко-,, торый поднимаясь изъ моря возвышался да-,, же до неба; что никто не примѣтилъ,,, чтобъ онъ уменьшался, и что онъ былъ,, хранимъ ужаснымъ шумомъ, которому при-,, чина неизвѣстна.,, Полагали, что сей густой мракъ скрывалъ отверзтiе нѣкакой бездонной пучины, которую легковѣрные люди почитали челюстьми ада.,, Другiе утвержда-,, ли, что то былъ древый островъ Ципанго,,, кото-

тфорое мало различествовало отъ смерти. Сіе иступленіе чувствъ есть безъ сомнѣнія благо-

„ которой угодно было небасамъ покрыть „ тайною завѣсою; поелику (какъ тогда были „ увѣрены) Испанскіе и Португальскіе Еписко„ пы ушли въ оной съ другими Христіянами, „ для сохраненія себя отъ рабства и гоненія „ Мавровъ; присовокупляли, что не можно „ было безъ грѣха стараться проникнуть въ „ сію божественную тайну. „ Зарко, котораго Генрихъ Португальской Король послалъ чинить полезныя открытія, не столько слушалъ народныя рѣчи, сколько внималъ слабымъ физическимъ понятіямъ, кои были столько надежны, сколько то позволяло невѣжество тѣхъ времянъ: онъ понялъ, что сему глубокому мраку непремѣнно надлежало показывать землю покрытую густыми лѣсами, въ которыхъ пребывала всегдашняя влажность; и что отъ того происходилъ сей мрачный туманъ, который былъ предмѣтомъ оныхъ пустыхъ страховъ. И такъ Зарко полагаясь на свои догадки, поворотилъ корабль къ темнѣйшему мѣсту; и помѣрѣ какъ онъ приближался мракъ учинялся темнѣе. Отважный Португалецъ погрузился въ сію страшную ночь; и какъ скоро сіе сдѣлалъ, то вдругъ послышался плачевный ревъ, которой распространился по всему пространству горизонта; спутники его такъ испугались, что никто ни слова немогъ вымолвить; а всѣ испустили только страшный крикъ. Мнилось имъ, что они увидѣли великановъ, о которыхъ послѣ узнали,

твореніе природы, коей всѣ намѣренія клонятся къ излѣченію нашихъ болѣзней, или къ усыпленію насъ при наступленіи оныхъ, когда она не можетъ намъ помочь. Макинъ и Гелена открыли отягченныя свои очи: но что они услышали, что увидѣли? Дикій ревъ, подобенъ шуму, которой производитъ соединеніе источниковъ, текущихъ низринуться и изчезнуть въ пространной безднѣ морей; необъятый столпъ мглы, такъ сказать ощутительной, выходившій изъ глубины водъ, и восходившій даже до небесъ, поразилъ ихъ зрѣніе: стихотворцы не вымыслили толикаго ужаса о входѣ въ адскую хлябь. Ревъ становился сильнѣе, равно какъ и мракъ умножался, по мѣрѣ приближенія лодки. Первое движеніе молодаго человѣка было, обнять съ восхищеніемъ

ли, что то были камни. Зарко несмотря ни на прозьбы, ни на слезы, ни на воздыханія продолжалъ свою дорогу; матрозы не сомнѣвались больше, чтобъ они не вѣхали въ самой адъ. Но какимъ различнымъ восторгамъ они предались, какая была ихъ радость, когда проникнувъ мракъ поминутно изчезавшій, приближились они къ землѣ, которой видъ ихъ обворожилъ. Симъ то образомъ великій человѣкъ преодолѣваетъ народныя предразсудки. Естьлибы Зарко былъ трусъ и невѣжа, простой народъ и теперь бы еще думалъ, что то было отверзтіе ада, какъ Ирландская чернь отдаетъ почести *скважинѣ ст. Патрикія.*

нiемъ свою спутницу: – Дражайшая моя Гелена, здѣсь по видимому небо назначило конецъ плачевной нашей жизни! Закрой глаза, кинемся въ сiю мрачную густоту; это самая нощь смерти; погрузимся! Гелена закрывъ свое лице, дабы скрыть отъ себя видъ своей смерти, бросилась съ своимъ любовникомъ.

Въ минуту, когда надлежало думать, что лодка поглотится, она находитъ твердое тѣло дѣлающее ей преграду и разбивается объ оное. Макинъ не упуская держалъ юную Лади прямо противу своего сердца. Онъ былъ выброшенъ на землю; ноги его старались утвердиться; не зналъ онъ, что то было, не камень ли пагубнѣйшiй еще той бездны, куда они погрузились. Поступая далѣе робкими и претыкающимися стопами, въ средину глубокой нощи, простиралъ онъ дрожащую свою руку, дабы узнать, гдѣ онъ былъ; казалось ему, что онъ прикасался къ животнымъ, которыхъ кожа отталкивала боязливые его персты. Сказалъ онъ нѣчто: то отголосокъ, какой бываетъ на кладьбищахъ, или въ пространной пещерѣ, принесъ къ нему обратно слова. Онъ принялъ послѣднее прибѣжище несчастнаго человѣка и то, которое наименьше его обманываетъ: призываетъ въ помощь небеса. Гелена пребывала въ его объятiяхъ; но онъ немогъ увѣриться, чтобъ она еще имѣла дыханiе.

Нѣсколько часовъ прошло въ семъ страшномъ положеніи, Макинъ вскричалъ: о Небо! не уже ли мы потерявъ жизнь, снизшли въ сіи мѣста вѣчнаго опустошенія? Онъ продолжалъ свой путь, въ волненіи, заблуждаемъ, и исполненъ смертоноснаго ужаса. Между тѣмъ блѣдные лучи луны довольно разлили свѣтлости, дабы можно было различить предмѣты: онъ примѣтилъ человѣческое тѣло (*) необыкновен-

(*) *Онъ примѣтилъ челопѣческое тѣло* и пр. Въ семъ островѣ находилась такая же пещера, какія обрѣтаются въ островѣ Тенерифѣ; иначе подземныя ходы ископанныя въ древнія времена въ каменныхъ горахъ, или произведенныя природою. Въ сихъ то мѣстахъ древніе *Гуанхи*, первоначальные жители сего острова, погребали своихъ умершихъ, обвертывая ихъ въ козлиныя кожи. Сей народъ умѣлъ бальсамировать тѣла такъ, что не взирая на пространство многихъ вѣковъ, и теперь еще нѣкоторые изъ оныхъ остались. Сіи мумiи иные положены навзничь, другія на деревянныхъ подставкахъ, которыхъ *Гуанхи* толь твердыми сдѣлали, что не было желѣза, которое бы могло оныя проколоть; а нѣкоторые изъ сихъ труповъ были неизмѣримой величины, что можетъ подать поводъ къ разсужденію, что мнѣніе нѣкоторыхъ натуралистовъ о бытіи великановъ не есть со всѣмъ ложно. Сверьхъ того нашли въ сихъ гробницахъ голову одного *Гуанха*, которая имѣла восемдесять зубовъ, а въ вышину была больше пятнатцати лактей. Ду-

женнаго роста, о которомъ послѣ узналъ, что оно имѣло пятнатцать локтей вышины. Молодой человѣкъ здѣлался неподвиженъ отъ ужаса; хладный потъ распространился по всѣмъ членамъ его. Но сіе тѣло, коего глаза были закрыты не показывало ни какого движенія и никакого чувства; между тѣмъ свѣтлость луны умножилась. Макинъ обратя зрѣніе, увидѣлъ вдали долгой рядъ труповъ, изъ которыхъ одни лежали навзничь, какъ первый, а другіе на нѣкоторыхъ деревянныхъ подставкахъ, покрытые козлиными кожами: онъ испускаетъ крикъ; несчастная его спутница поднимаетъ скоропостижно голову, но поражена будучи страхомъ упадаетъ паки въ объятія своего путеводителя.

Однако Макинъ не терялъ бодрости. Продолжая путь наступалъ онъ на сухія кости, которыя ломаясь подъ ногами его, казалось отдавали плачевный звукъ: между тѣмъ день началъ показываться.

Макинъ вышелъ изъ сихъ мѣстъ. Какое зрѣлище поразило его очи, утружденные толикими плачевными предмѣтами!

 Онъ

Думаютъ что сей народъ былъ Египетское поселеніе; а причина утверждающая сію догадку есть оное обыкновеніе и оное искуство бальсамировать мертвыхъ, которое *Гуанхи* кажется получили отъ своихъ основателей.

Онъ вопіетъ отъ радости: Гелена! посмотри, посмотри! Сія несчастная дѣвица, казалось возродилась отъ гласа, толико тротающаго ея сердце; открыла глаза: чтожъ она увидѣла вмѣсто оныхъ ужасныхъ видовъ! Казалось, что нѣкій благотворительный волшебникъ, премѣнилъ сію смертную пещеру въ небесное жилище: (*) два любовника пришли въ во-

(*) *Въ небесное жилище* и пр. И подлинно островъ Мадера, есть можетъ быть пріятнѣйшее въ свѣтѣ мѣсто; положеніе свое онъ имѣетъ подъ тритцать вторымъ градусомъ сѣверной широты, а отъ острова Тенерифа отстоитъ на семьдесять миль; въ окружности имѣетъ около тритцати миль; имя его происходитъ отъ множества деревъ, которыми онъ покрытъ. Говорятъ, что когда Португальцы зажгли сей пространный лѣсъ, то пожаръ продолжался чрезъ семь лѣтъ. Сей островъ производитъ также великое изобиліе плодовъ. Первые приставшіе къ нему Европейцы были удивлены, увидя тамъ великое множество невиданныхъ птицъ, которые садились на мачтахъ непоказывая никакого вида боязни. Хвалятъ одну, которая весьма мала, и цвѣтомъ схожа на ластовицу, съ чернымъ и круглымъ пятномъ посрединѣ груди; пѣніе ея весьма пріятно, но какъ бываетъ посажена въ клѣтку, то вскорости умираетъ. Около сей страны свѣта древніе полагали свои Елиссейскія поля. Горы увѣнчаны великолѣпными лѣсами; долины предста-вля-

восторгЪ. Небо чистое и ясное блистало надЪ ихЪ главами; пріятнѣйшія благовонія восхищали ихЪ обоняніе; они удивлялись различнымЪ цвѣтамЪ свѣжаго и чистаго зелія; узнали нѣкоторыя дерева, какЪ то кедрЪ, кипарисЪ, пальму, сосну, гренатовое дерево, дикое оливное и пр. Великое число птицЪ, оживотворяли пѣніемЪ своимЪ сіе прелестное жилище, и играя показывали всю красоту своихЪ перьевЪ, лѣтали и скакали безЪ страха около чужестранной четы; множество источниковЪ прозрачнѣйшихЪ кристалла окружали необЪятное пространство рощей, которыхЪ свѣжей запахЪ казалось привлекалЪ кЪ себѣ сЪ перьваго взгляда; воздухЪ восхитительной пріятности оживлялЪ тамЪ все, поля были испещрены всякаго рода цвѣтами: можно было сравнить сіе прелестное обиталище, сЪ блестящими Гесперидскими садами, толико превозносимыми отЪ нашихЪ стихотворцовЪ.

Ма-

вляютЪ со всѣхЪ сторонЪ смѣющіяся жатвы, рощи орошаемыя журчащими источниками, кои производятЪ тамЪ всегдашнюю прохладу, и множество померанцовыхЪ деревЪ, соединяющихЪ благовоніе сЪ удивительною тихостію воздуха. ВЪ семЪ то земномЪ раю ростетЪ *безсмертный цвѣтокЪ*, которой будучи сорванЪ, пребываетЪ много лѣтЪ безЪ всякаго поврежденія; онЪ растетЪ такЪ какЪ шалфея, а цвѣтЪ его подобенЪ ромашкѣ. ВЪ Мадерѣ розы цвѣтутЪ вЪ Генварѣ мѣсяцѣ и пр.

Макинъ вышедъ изъ иступленія, въ которомъ онъ съ Геленою былъ погруженъ, бросился въ восторгѣ на колѣна: о Боже! возопилъ онъ, возведя очи къ небесамъ, единъ попечитель о нашей судбинѣ; пріими въ знакъ благодаренія первое наше воздыханіе; мы вторично должествуемъ Тебѣ жизнію; Твоя всемогущая рука извлекла насъ изъ челюстей смерти, и принесла на сей берегъ. Вижу я днесь чудесное Твое Провидѣніе; такъ, Ты, о! всесильный Боже, привелъ насъ на сіи незнаемые брега, удаляя насъ отъ гонителей и жестокосердыхъ, хотѣвшихъ разорвать союзъ, которой безъ сомнѣнія рука Твоя утвердила. Гелена, здѣсь то намъ будетъ позволено жить другъ для друга, и любить себя! Обожаемая обладательница моего сердца, продолжалъ Макинъ со всѣмъ восторгомъ любви, и устремясь въ объятія Гелены, я тебѣ возобновляю мои клятвы, что признаю тебя моею любовницею, моею супругою, женою моего сердца, которую само небо избрало для раздѣленія моихъ утѣхъ, моихъ несчастій и всей моей души. Надлежитъ думать, что сей островъ населяемъ, разсуждая по страшнымъ пещерамъ изъ которыхъ мы теперь токмо вышли. Мы оставили чудовища въ Европѣ: можетъ быть найдемъ здѣсь людей; и естьли находятся такіе, которые исповѣдуютъ пречистую нашу вѣру, то я тебѣ обѣщеваюсь немедленно освятить обѣты жарчайшей и чистѣйшей любви, обрядами предписанными святымъ нашимъ закономъ: ступай,

най, Гелена, нестрашись; любовник твой неможет быть обманщик и вероломный.

Съ того времени, они жили какъ супруги, питались плодами, рыбою, дикими козами и птицами, которыхъ не трудно было ловить; ибо они столь мало были пужливы, что казалось сами искали руки, пріуготовлявшей имъ смерть.

Въ сихъ то случаяхъ несчастіе есть мать раченія. Макинъ и супруга его предписали себѣ приличный родъ труда. Первый взялъ работу, требующую силы; а другая имѣла попеченіе о томъ, что относится къ пищѣ и къ украшенію хижины. Гелена собирала цвѣты и плоды, а Макинъ ходилъ на рыбную и звѣриную ловлю. Онъ высѣкъ изъ раковинъ огонь, состроилъ себѣ нѣкоторой родъ шалаша, покрывъ оной кедровыми вѣтвями; но преисполненъ вѣры и признательности за благодѣянія ко Всевышнему Существу, непомышляя сдѣлать себѣ порядочнаго жилища, воздвигъ дерновой жертвенникъ, на которомъ поставилъ деревянной Крестъ. Туда то уединенная чета приходила ежедневно, при восхожденіи солнца, возобновлять свои моленія Богу покровителю; и сіе благчестивое упражненіе предшествовало всѣмъ ихъ упражненіямъ. Макинъ здѣлалъ по ниже Креста надпись, которая въ краткихъ словахъ заключала всѣ подробности приключенія, приведшаго ихъ на оной островъ. Сія надпись,

кон-

кончалась краткою прозьбою къ Христіанамъ; естьли кто изъ нихъ пристанетъ къ тому мѣсту, и когда двое супруговъ умрутъ, то чтобъ соорудили тамъ церьковь во имя Іисуса Спасителя. (*) Онъ выкопалъ также при подножіи жертвенника яму, пріуготовивъ оную къ принятію своихъ тѣлъ, когда ихъ небо къ себѣ призоветъ.

Ободренный Макинъ въ своихъ дѣлахъ, неутружденно далѣе проникалъ въ сію дикую страну: какое было его удивленіе, когда онъ не обрѣлъ никакого слѣда живущаго человѣка! однако пещера казалось свидѣтельствовала, что земля была населяема; можетъ быть сіе мѣсто было опредѣлено для погребенія, какъ нѣкогда, въ Египтѣ (**) посвящена была часть земли для мертвыхъ: но тщетно Макинъ безпре-

(*) *Іисуса Спасителя* и пр. Повѣсть справедлива; Макинъ былъ погребенъ при подножіи Креста, и на томъ мѣстѣ была состроена церьковь во имя *Іисуса Спасителя*.

(**) *Какъ нѣкогда въ Египтѣ* и пр. Не подалеку отъ Мемфиса, находилось нарочитой величины поле, гдѣ погребали мертвыхъ; Египетское баснословіе помѣстило тамъ рѣку Стиксъ, Харонову барку и всѣ темныя обманы язычества. На семъ полѣ и теперь еще находятъ много мумій; но онѣ не въ такомъ уваженіи, какъ тѣ, кои обрѣтаются въ Пирамидахъ.

престанно возвращался къ пещерѣ; онъ невидѣлъ ни какого знака, которой бы его увѣрилъ, что то мѣсто было кладьбище, обитающихъ въ островѣ людей. Невозможно ужъ больше сомнѣваться, говорилъ онъ своей женѣ: мы одни словесныя существа, обитающія въ семъ мѣстѣ. Здѣсь то, дражайшая Гелена, наше отечество, наше царство, наша вселенная; мы никого невидимъ кромѣ себя на сей землѣ, гдѣ все кажется произведено токмо для нашего употребленія и нашихъ утѣхъ. Для насъ возвышаются сіи прекрасныя древеса, покрывающія насъ сѣнію густыхъ своихъ вѣтвій; для насъ зрѣютъ сіи сочныя плоды; для насъ испускаютъ цвѣты прелестныя свои благоуханія; для насъ воспѣваютъ птицы сладостныя свои пѣсни; для насъ журчатъ сіи прозрачныя источники. Мы сами себѣ цари и подданные; общество состоитъ въ двухъ насъ; и такъ воспріимемъ все попеченіе о содѣланіи себя благополучными. Когда солнце покажетъ намъ блистающее огнями свое чело, скажемъ, что мы любимся; и когда оно погрузится въ лазуревыя, злашовидныя и багряныя волны, скажемъ паки, что мы любимъ другъ друга еще больше. Но когда сіе свѣтило паки возродится, Гелена, вспомнишь ли ты объ Европѣ, объ Англій? Что до меня принадлежитъ, то я находясь съ тобою, и всегда больше восхищаясь твоими прелестьми, забылъ все, все; я существую для одной токмо Гелены и нечувствую никакой скорьби . . . – Никакой

скорь-

скорьби, Макинъ! - Что ты хочешь сказать, обожаемая супруга? Вѣщай, слезы ліются изъ твоихъ очей? или любви для тебя недовольно? - Подлинно, дражайшій супругъ, мнѣ мнилось, что любовь для меня было все, но . . .

Казалось, что Гелена хотѣла скрыть объясненіе, которое готово было излетѣть изъ ея устъ. - Изъяснись, дражайшая моя подруга; можешь ли ты имѣть тайны для страстнѣйшаго изъ любовниковъ? Нестрашись, отвергни всякое притворство; ещели ты имѣешь желанія? - Макинъ . . . родители мои . . . какую скорбь причинитъ имъ мой побѣгъ! Они умрутъ отъ тоски! . . Гелена, прерываетъ съ живостію ея супругъ, не такъ ты любишь какъ я! Какой другой предмѣтъ кромѣ обожаемой супруги, имѣетъ мои чувствованія, мои мысли и все мое сердце? Фамилія моя, сограждане, отечество, весь свѣтъ изчезъ предъ моими глазами; одну мою супругу, одну любовницу я зрю и люблю. Скажи мнѣ Гелена, не у твоихъ ли ногъ счастіе, благополучіе и бытіе мое? Ты говоришь о своихъ родителяхъ, о безчеловѣчныхъ, которые были жестокіе наши враги! Почто они увеселялись нашимъ мученіемъ? почто хотѣли разлучить два сердца соединенныя самимъ небомъ? Увы! ты бы и теперь была предъ ними . . . Но изженемъ сіи прискорбныя воображенія; внѣ сего острова, нѣтъ больше свѣта; все что до сего времени

мени привлекало насъ, ничто иное было, какъ сны и суетныя обманы. Мы обитаемъ теперь въ жилищѣ истинны, въ жилищѣ чистой и постоянной любви; оставимъ все благотворенію небесъ; не отъ нихъ ли мы получили благополучіе, которое теперь вкушаемъ спокойно и безпомѣшно? Гелена люби меня такъ, какъ я тебя люблю, ты токмо будешь благодарить небо, благословляющее нашу нѣжность; въ чемъ мы не можемъ сомнѣваться не сдѣлавъ себя винными въ гнусной неблагодарности.

Часто двое супруговъ повторяли сіи разговоры толико сладостные для истинной любви. Жилище ихъ соединяло всѣ пріятности, и всѣ богатства сихъ простыхъ мѣстъ. Описаніе подобнаго убѣжища можетъ оказать дарованія блестящаго воображенія. Хижина стояла на высотѣ, которая казалось господствовала надъ моремъ; приходили къ ней чрезъ аллеи померанцовыхъ и лимонныхъ деревъ; кустарники испускающіе благовонный запахъ окружали оную. Въ сихъ счастливыхъ климатахъ дерево приноситъ вдругъ и цвѣты и плоды. Мурава, какая бываетъ у насъ въ прекраснѣйшихъ весеннихъ дняхъ, покрывала поле на не объятное глазами пространство, и безпрестанно была оживляема чистыми струями прозрачныхъ водъ, гдѣ находилось великое множество малыхъ неизвѣстныхъ въ Европѣ рыбъ. Когда солнце ударяло своими лучами на сіи обильныя истощенія естества, то предста-

ставлялась различность предмѣтовъ, являвшихъ чудное изображенiе оныхъ мѣстъ. Сiи птицы, которыхъ мы называемъ кенарейками, и которыя всегда раждаются тамъ, открывали прiятность пѣнiя и перьевъ красоту, уничтожающуюся по пренесенiи ихъ въ наши страны. Когда глаза насытятся симъ прелестнымъ зрѣлищемъ, то простираются они вдаль даже до горъ увѣнчанныхъ соснами, кедрами и пальмовыми древами; объемлютъ плодоносныя и смѣющiяся поля и теряются въ неизмѣрности гладкаго и рѣдко волнуемаго бурями моря. На сихъ брегахъ всегда царствуетъ тихiй вѣтерокъ, приносящiй къ хижинѣ дань отъ толикихъ благоволнiй излiянныхъ въ семъ островѣ. Макинъ сдѣлалъ себѣ одежду изъ кожъ убитыхъ имъ звѣрей, а Гелена носила одѣянiе сплетенное изъ собранныхъ перьевъ отъ самыхъ рѣдкихъ птицъ: она притыкала къ оному вѣнки изъ безсмертнаго цвѣтка, которой казалось былъ особливый даръ природы, данный сему мѣсту; вплетала ихъ также и въ волосы, которыя развѣвались по ея плечамъ; небыло у ней другаго зеркала, кромѣ прозрачныхъ водъ окружавшихъ ихъ жилище. Макинъ и супруга его представляли истинный образъ человѣка, приведеннаго къ простотѣ первыхъ вѣковъ; никакая чета не вкушала вящшихъ сладостей любви; мужъ, казалось, ничего не желалъ: но Гелена ища уединенiя, заблуждалась иногда, даже въ оную погребальную пещеру, которая нѣкоторымъ об-

образомъ служила входомъ въ сiю землю. Тамъ то она питала свою задумчивость, которую старалась скрывать отъ своего супруга, опасаясь потревожить его чувствительность; тамъ то она воспоминала о своемъ отечествѣ и о своей фамилiи. Она учиняется матерью; новый союзъ связуетъ ее съ супругомъ; нравъ ее сдѣлался не такъ задумчивъ; ибо матерняя любовь соединяетъ можетъ быть всю силу различныхъ чувствованiй. Она родила сына, за которымъ послѣдовало другихъ девять дѣтей.

Около десяти лѣтъ прошло какъ Макинъ съ Геленою жилъ въ сей пустынѣ, предпочтительнѣйшей всѣмъ тѣмъ землямъ, гдѣ обрѣтаются общества раздѣленныя между собою самыми противными выгодами и зараженныя самыми безчеловѣчными пороками. Макинъ жилъ посредѣ малаго своего семейства, какъ благодѣтельный Царь окруженный своимъ народомъ; онъ научалъ отроковъ, а воспитанiе дѣвицъ приняла на себя Гелена. Однако Макинъ тщился дать тѣмъ и другимъ великiя основанiя вѣры и добронравiя; научалъ ихъ съ раченiемъ священнымъ Евангельскимъ заповѣдямъ, и свидѣтельствовалъ свое прискорбiе, что не могъ дать въ руки имъ сей книги, достойнаго знака премудрости Бога, которой, кажется, самъ оную писалъ; онъ внушалъ имъ должности человѣчества, которыя безъ противорѣчiя, суть величайшая утѣха для сердецъ истинно чувствительныхъ. По крайней мѣрѣ, друзья мои, говорилъ сей добро-

дѣтельный отецъ своимъ дѣтямъ, когда жребій лишилъ насъ помощи служителей священнаго нашего Богопочитанія, возвышайте ваши души къ Всевышнему Творцу, котораго вы должны любить несравненно больше, нежели меня: умоляйте, просите, чтобъ небо щасливымъ случаемъ послало къ намъ нѣсколькихъ просвѣщенныхъ толкователей святѣйшей нашей вѣры; а ожидая отъ Провидѣнія сего благодѣтельства, наполняйте себя духомъ Христіанства, которое есть самая добродѣтель. Вѣрьте, что законъ нашъ, есть законъ очищенной природы; вопрошайте свое сердце, въ немъ то не загладимо начертаны ваши обязательства къ Богу, къ вашей матери, ко мнѣ и ко всѣмъ людямъ.

Макинъ не токмо не скрывалъ отъ нихъ, что находились другіе люди; но и далъ имъ довольное понятіе о различныхъ Европейскихъ Государствахъ.

Гелена присутствовала иногда при сихъ наставленіяхъ. Нѣкогда во время разговора о должностяхъ человѣка, о которомъ Макинъ разсуждалъ благоразумно, впала она въ задумчивость. Мужъ ея примѣтя сію нечаянную перемѣну спросилъ у нее тому причину: а она отведши его къ сторонѣ сказала: вотъ вина моего смущенія, и могу сказать моей печали. Естьли ни кто не пристанетъ къ симъ берегамъ, и естьли мы останемся какъ теперь одни, то какъ наши дѣти могутъ сочетаться браками? Мужчина и женщина призываются

къ

къ соединенію гласомъ естества; само небо впечатлѣло всѣмъ существамъ желаніе и способность продолжать свое бытіе: но Христіанство противится супружнему соединенію братьевъ съ сестрами; и такъ надлежитъ ли намъ отвергнуть сію заповѣдь нашей вѣры? Макинъ не зналъ, что отвѣчать на сіе предложеніе; онъ раздѣлялъ совѣстное сопротивленіе своей жены. Надлежитъ ожидать, сказалъ онъ, что сей Богъ, которой насъ привелъ въ сіи мѣста и покрываетъ своею благостію, дастъ намъ новый знакъ своего милосердія и не попуститъ, чтобъ хотя одна заповѣдь его закона была нарушена. Впрочемъ наши дѣти не въ такихъ еще лѣтахъ, чтобъ намъ такъ разсуждать и такъ безпокоиться; можетъ быть новое чудо пошлетъ къ намъ какихъ нибудь чужестранцовъ, съ которыми бы намъ можно было раздѣлить наше малое господствованіе. Сихъ дѣтей было числомъ пять отроковъ и четыре дѣвицы. Когдабы Макинъ и вздумалъ ихъ соединить, то не возможно было здѣлать равенства, а надлежало, чтобъ одинъ изъ нихъ посвятилъ себя безженству. Сіе прелестное семейство составляло все утѣшеніе своихъ родителей. Оно никогда не покидало своей матери, а безпрестанно искало нѣжныхъ ея лобзаній. Они уже оставляли свое младенчество и пріобыкали къ полевымъ трудамъ. Макинъ срывалъ плоды съ померанцовыхъ и съ другихъ деревъ; а супруга его принимала оныя въ кошницы, сплетенныя изъ самыхъ

гибкихъ вѣтвій; въ то время когда по сторонамъ ихъ, дѣти рвали цвѣты, и дѣлали изъ оныхъ вѣнки для украшенія своей хижины; или забавлялись ловлею птицъ, которыя безъ страха входили въ маленькія клѣтки, ставимыя имъ сею рѣзвою юностію.

Гелена съ нѣкоторымъ прискорбіемъ взирала на сіи невинныя твари; она безпрестанно страшилась того времени, гдѣ лѣта даютъ чувствовать всю силу страстей; неусматривала ни какой надежды; и мыслила что они долженствовали жить и умереть въ семъ островѣ, забвенны на всегда отъ прочихъ людей; образъ же ея родителей, котораго она немогла совсѣмъ истребить, еще паче возмущалъ пріятности супружней нѣжности и матерней любви.

Покоясь нѣкогда подлѣ своего супруга, Гелена испускаетъ крикъ; Макинъ въ смятеніи пробужденный, находитъ свою супругу устрашенную, и исполненную ужасовъ сновидѣнія — Любезный супругъ, какія предмѣты меня поразили! Я видѣла . . . я видѣла моихъ родителей, простирающихъ ко мнѣ ослабшія свои длани изъ дна бездны; просящихъ моей помощи; и называющихъ меня своею дщерію. Поднялись было они, но паки упали: паденіе ихъ объяло меня ужасомъ; и я не знаю какая сила принесла ихъ тѣла къ моимъ ногамъ; но во время когда я ихъ обнимала, и орошала своими слезами, великость печали извлекла меня

изъ сего лютаго сна (*). . . Макинъ, ты не сомнѣваешься что я тебя люблю, и чтобъ я не была нѣжная супруга и мать привязанная къ своимъ дѣтямъ; но я не могу истребить воспоминовенія о родителяхъ . . . . Я ихъ обманула, измѣнила, оставила! Увы! можетъ быть они издыхаютъ въ сію минуту, обвиняя малую къ себѣ любовь злополучной ихъ дочери! Ахъ! Макинъ, Макинъ, возврати мнѣ моихъ родителей, я ничего больше не буду желать. - Дражайшая моя Гелена, естьлибъ ты имѣла мою душу и чувствованія, которыя ты мнѣ внушила, не довольноли бы было къ твоему благополучію взаимной нашей любви? Я тебѣ уже сказалъ, что я противу воли моей похитилъ тебя отъ сей фамиліи, которая была виною всѣхъ нашихъ злоключеній. Или ты сокрушаешься объ отечествѣ, объ обществѣ, о мнимыхъ

(*) Я весьма удаленъ отъ того, чтобъ вѣрить снамъ, но по необыкновенному произшествію нѣкоторые изъ оныхъ сбывались. Несчастное приключеніе случившееся предъ нашими глазами, представляетъ намъ въ семъ случаѣ поражающій примѣръ: Г. Моттъ видитъ во снѣ злосчастнаго Деруа, вооруженнаго двумя кинжалами, и закалающаго жену его и сына; можетъ быть безъ сего сна, которой внушилъ ему непреодолимую недовѣрчивость, и онъ бы былъ также жертвою сего злодѣя.

достоинствахъ, о призракахъ изчезающихъ предъ глазами каждаго хотящаго ихъ разсмотрѣть. Довольно я видѣлъ свѣтъ, и могъ примѣтить потерянную нами малость; развѣ въ семъ множествѣ людей, раздѣленныхъ толикими противными выгодами вкушаютъ удовольствіе сердца, чистую сладость любви, и прелесть сей невинной жизни, которую бы одну надлежало съ ревностію пріобрѣтать и сохранять? Здѣсь, Гелена, мы не имѣемъ причины страшиться перемѣны счастія, ядоносныхъ стрѣлъ клеветы, раздирающихъ язвъ неблагодарности, тайной измѣны ложныхъ друзей, прелестей сихъ ложныхъ утѣхъ, которыя растлѣваютъ душу, помрачаютъ разумъ, словомъ, которыя уничижаютъ наше естество. Сребролюбіе, зависть мщеніе, честолюбіе, безумная гордость; всѣ сіи бичи поражающіе человѣческое сердце, не осквернили чистоты сего пребыванія; кажется, что съ воздухомъ прелестнаго сего острова, исходитъ самая добродѣтель и благоденствіе. Мы будемъ любить себя взаимно до послѣдняго издыханія; рука нашихъ чадъ закроетъ наши зѣницы; мы имъ оставимъ истинныя богатства, единыя, которыя человѣкъ прежде своего паденія заслуживалъ имѣть. И такъ изжени, нѣжная обладательница моего сердца, воспоминанія раждающія токмо суетныя прискорбія; мы царствуемъ надъ нашимъ семейством; живемъ посредѣ насъ другихъ; мы имъ всегда будемъ любезны;

мы; и безъ сомнѣнія они будутъ счастливѣе насъ!

Часто сіи разговоры были повторяемы, но они не излѣчали Гелену отъ тайнаго унынія, которое она силилась скрыть отъ взоровъ своего мужа и даже отъ самой себя.

Буря, что случалось какъ мы сказали очень рѣдко, возмутила тишину прелестнаго сего жилища. Макинъ и семейство его ушли въ свою хижину. Въ полунощи буря умножается; вѣтры, соединясь съ волнами, испускаютъ престрашный свистъ и ревъ; древа искорененные, упадаютъ съ трескомъ. Гелена, коей душа всегда была отверста чувствительности, предается сострадательнымъ движеніямъ: Увы! вѣщала она; во время когда мы здѣсь покоимся безопасно, можетъ быть обрѣтаются несчастные, подверженные ужасамъ кораблекрушенія, дѣти лишенные виновниковъ своего рожденія, и матери оплакивающія единороднаго своего сына!

Буря не прежде утишилась какъ при явленіи утренней зари. Геленѣ послышался нѣкоторой вопль. – Дражайшій супругъ, необманываюсь ли я? жалостный вопль подобенъ звуку человѣческаго голоса, дошелъ до моихъ ушей! . . . Макинъ слушаетъ, но никакой шумъ его не тревожитъ: – Ободрись, Гелена; устрашенное твое воображеніе обманываетъ тебя; кто другой можетъ пристать къ сему острову? Одно Провидѣніе могло насъ сюда пренести.

Во время когда Макинъ произносилъ сіи слова, послышался въ великой отдаленности плачевный вопль. Я не обманываюсь, возопила съ живостію Гелена: это безъ сомнѣнія бѣдныя жертвы бури, которыхъ она выбросила на сіи брега; нѣтъ я не сомнѣваюсь . . . Макинъ, пойдемъ, . . . полетимъ на помощь къ нимъ.

Не надобно было побуждать Макина къ раздѣленію восторговъ чувствительной его супруги; они встаютъ съ поспѣшностію, и побуждая своихъ дѣтей, текутъ съ ними при помощи слабой свѣтлости къ мѣсту, откуда неслись сіи трогающія стенанія. По мѣрѣ какъ они приближались, вопли становились внятнѣе; они удвояютъ свои стопы, уступая влекущей ихъ жалости, и примѣчаютъ умирающаго старика распростертаго при корнѣ нѣкотораго дерева: спорятъ, кому изъ нихъ достанется подать ему скорѣйшую помощь; хотятъ его поднять, но сей несчастный не давалъ никакого знака жизни; голова его склонилася къ груди Гелены, которая взираетъ на него пристально, отступаетъ отъ удивленія и обремененная, нѣкоторымъ образомъ, живостію своихъ восторговъ, упадаетъ возопивъ: родитель мой! Смятенный Макинъ, устремивъ на него свое зрѣніе, узнаетъ Лорда Дорсета; онъ тщится возвратить жизнь двумъ особамъ, старику и Геленѣ, которая лишившись употребленія чувствъ, не могла отвлечь своихъ рукъ отъ родительскаго тѣла;

не

но наконецъ пришедъ въ себя: - Не уже ли я паки обрѣтаю родителя! . . . родитель мой! внемли мнѣ . . . родитель мой! оживи на гласъ, на гласъ дщери любящей тебя всегда съ нѣжностію! Она прижимала его къ своему сердцу, соедняла свои уста съ его устами, будтобы желая тѣмъ возвратить ему душу.

Лордъ показываетъ нѣкоторыя движенія, которыя заставили думать, что онъ еще не совсѣмъ лишился жизни; дочь его предается всему побужденію своей любви и радости: она говоритъ старику нѣжнѣйшія выраженія, и разогрѣваетъ его въ своихъ объятіяхъ. Дватцать разъ она вопіяла: какъ мой родитель, ето вы! ето васъ я держу въ моихъ рукахъ! вы меня простите; вы мнѣ возвратите свою горячность. Ахъ! восхотѣло наконецъ небо, чтобы я была благополучна!

Лордъ открывъ глаза, удивляется, видя себя въ рукахъ двухъ дикихъ и слыша ихъ говорящихъ Англійскимъ языкомъ, при имени же родителя онъ паче дивится; зрѣніе его укрѣпляется; онъ устремляетъ свои взоры на Гелену; уста его пребываютъ сомкнуты, и онъ съ трудностію можетъ произнести: - Не уже ли . . . любезная дочь вспомоществуетъ мнѣ! . . Какимъ чудомъ! и ты также Макинъ! Тотчасъ Макинъ простирается предъ его ногами, и объемлетъ оныя. Лордъ Дорсетъ испустивъ слезы, восприемлетъ паки: Ахъ! освѣдомтесь, . . . освѣдомтесь жива ли еще моя жена; бѣгите къ ней

на

на помощь . . . . Моя родительница, возопила Гелена, возведя руки къ небесамъ! Какъ! моя родительница! . . . я буду имѣть сіе утѣшеніе! Такъ, продолжаетъ Лордъ Дорсетъ, она жила . . . она тебя любила . . . немедленно Макинъ оставляетъ старика съ своею супругою, и спѣшитъ освѣдомиться о судьбинѣ Лади Дорсетъ.

Дѣти, которые побѣжали далѣе, возвратились, говоря, что они нашли многихъ людей лежащихъ на брегу, и требующихъ скорой помощи. Одежда сей полунагой юности, состояла изъ пальмовыхъ листвій, украшенныхъ нѣсколькими цвѣтами. Макинъ успѣваетъ токмо представить дѣтей своему тестю, которой часъ отъ часу больше удивлялся сему зрѣлищу: - Милордъ, вы зрите предъ собою моихъ дѣтей . . . . вашихъ дѣтей. Дорсетъ пріемлетъ ихъ въ свои обоятія, и истощаетъ имъ всѣ ласки. Ничего отъ него не было слышно, кромѣ прерывающихся словъ, толико онъ еще былъ слабъ! Гелена несетъ его къ своей хижинѣ, безпрестанно обращая очи къ брегу.

Между тѣмъ Макинъ приходитъ къ морскому брегу; онъ видитъ тамъ всѣ ужасы кораблекрушенія; слышитъ различныя вопли отчаянія; зритъ множество несчастныхъ предавшихся во все печали; одни обнимали умирающія тѣла, и старались ихъ воззвать къ жизни; другіе испускали престрашные вои, и немогли отползть отъ труповъ, которыхъ они прижимали къ своимъ персямъ и орошали своими слезами:

ми: а нѣкоторые изъ нихъ возставали на небо, и обвиняли оное въ жестокости. Макинъ примѣчаетъ кучу людей старавшихся возвратить чувства одной пожилой женщинѣ, которая впала въ обморокъ; онъ устремляется къ ней:- Друзья мои, дозвольте мнѣ подать помощь сей особѣ, это Лади Дорсетъ, это Лади Дорсетъ, мать моей супруги . . . мать моя . . . и не медля бросается къ ней, принимаетъ ее въ свои объятія, и старается всячески ей помочь. Сперва почли Макина грубымъ жителемъ сего острова: но какимъ удивленіемъ были поражены, когда услышали, что онъ говоритъ по Англійски! Ступайте, продолжалъ онъ, къ простому моему жилищу; вы тамъ все найдете, что изъявитъ чувствительность соотчича, которой незнаетъ какъ оказать свою радость видя васъ въ сихъ мѣстахъ.

Лади Дорсетъ, получа нужную помощь, начала отдыхать; посадили ее на дерновомъ бугрѣ; но она устрашася человѣка покрытаго звѣриными кожами, и сочтя его за варвара, который стремился ее умертвить, вскричала ослабшимъ голосомъ: Ахъ! отними у меня жизнь; но пощади несчастнаго моего супруга! гдѣ онъ? - Отнять у васъ жизнь, прерываетъ съ плачемъ Макинъ! Ехъ! откройте глаза, познайте несчастнаго, которой у вашихъ ногъ испрашиваетъ себѣ прощенія, и которой бы желалъ умереть для сохраненія вашихъ дней. Милордъ теперь въ безопасномъ мѣстѣ; вы скоро его увидите; я васъ

васѣ отведу въ объятія вашей дочери . . . – Мой мужъ живъ! . . . въ объятіяхъ моей дочери! Гелены . . . я ее еще увижу! что я слышу? . . . и кто мнѣ вспомоществуетъ? – Человѣкъ раскаевающійся и преисполненный почтенія и любви къ Милорду и къ вамъ. Государыня. . . вы не познаете злосчастнаго Макина?

Отъ сего имени Лади Дорсетъ сдѣлалась неподвижна. Макинъ бросился къ ее ногамъ; а Милади не могла ничего произнести кромѣ сихъ словъ: вѣрить ли моимъ глазамъ? не обманываюсь ли я? Вы Макинъ! вы въ семъ островѣ! и какимъ случаемъ? . . . Ахъ! я васъ прощаю; забываю всѣ напасти, которыя вы намъ причинили; отведите меня . . . . да обыйму сей драгій предмѣтъ толикихъ скорбей! Макинъ, съ помощію другихъ, несетъ къ своей хижинѣ Лади Дорсетъ, обремененную всѣмъ ею чувствуемымъ. Увидя старика и Гелену, она воспріемлетъ свои силы; вырывается изъ рукъ Макиновыхъ, и стремится съ нѣжнымъ воплемъ въ объятія своей дочери и своего супруга. – Дочь моя, дражайшая моя дочь! . . . Любезный супругъ! сіи токмо израженія могла она произнесть.

Сіи толь нѣжныя особы, прижимали себя взаимно къ персямъ, хотѣли говорить, но испускали токмо худовразумительные звуки; обильный потокъ слезъ, загашалъ ихъ голосъ; все ихъ окружавшее, казалось забыло себя и внимало ихъ состоянію. И подлинно тру-

трудно представить другое положеніе, удобнѣйшее возбудить больше чувствительности.

Когда Милордъ Дорсетъ и Милади пришли въ себя отъ сей неожидаемой перемѣны, Макинъ обращаетъ рѣчь къ своимъ дѣтямъ: Друзья мои, послѣдуйте нашему примѣру; повергнитесь съ своимъ отцемъ и съ своею матерью къ стопамъ Милорда и Милади, и да испросятъ ваши слезы смѣшенныя съ нашими, намъ прощеніе! Сіе семейство толико трогающее по своей невинности, предупредило уже родительской приказъ. Оно обнимало, съ симъ видомъ искренности, коимъ украшается естество, ноги старика и его жены, которые вскорости ихъ подняли, дабы заключить ихъ въ своихъ объятіяхъ и оросить своими слезами.

Макинъ и Гелена, равно какъ и дѣти ихъ стараются оказать своимъ родителямъ и единоземцамъ всѣ знаки возможнаго усердія. Но Лордъ и супруга его не выходили изъ удивленія. Они безпрестанио благословляли небо за сіе приключеніе, которое уподоблялось чудесному. Предложили имъ обѣдъ такой, какія употреблялись въ первыхъ вѣкахъ: они ѣли плоды, и то, что Макинъ поймалъ на рыбной и звѣриной ловлѣ; а пальмовое вино служило имъ питіемъ. Дорсетъ, коего силы начали оживотворяться, первый принимаетъ рѣчь, и обратясь къ своей дочери: – Я не растворю ранъ, которыя время и наша нѣжность долженствуютъ закрыть. Можетъ быть мы съ излишкомъ слушали родительскую строгость; но

тебѣ

тебѣ довольно знать, что ты намъ всегда была любезна, что потеря тебя всегда для насъ была новою, и что все для меня учинилось нечувствительнымъ и ненавистнымъ, кромѣ любезной моей Гелены. Удаленъ отъ общества, на которое я взиралъ съ нѣкоторымъ омерзѣніемъ, поелику жестокія его предразсудки причинили твое и наше злосчастіе, и не желая ничего кромѣ смерти, осмѣлился я однакожъ, прежде отшествія отъ тягостной жизни, предпріять нѣкоторое намѣреніе. Я вознамѣрился сдѣлать чрезъ самаго себя поиски, которые я другимъ поручалъ безплодно: отеческая любовь дѣйствительнѣе рачитъ, нежели старанія другаго. Я сообщилъ свои мысли женѣ, которая безъ всякаго медленія согласилась на мое желаніе! И такъ отправился я на купеческомъ кораблѣ, и первые мои поиски были во Франціи, но безполезно. Сказали мнѣ, что видѣли на Испанскихъ берегахъ двухъ молодыхъ особъ изъ нашей земли, которые скрывшись отъ поисковъ своихъ родителей, убѣжали къ оной сторонѣ, и жили тамъ спокойно: я не сомнѣвался, чтобъ то небыла Гелена и Макинъ.

Многіе мои единоземцы слѣдовали за мною; мы достигли къ пристанямъ сего государства; но ужасная буря удалила насъ отъ онаго; долгое время заблуждались мы по водамъ; пристали было къ одному острову, (*) которой намъ по-

(*) Островъ Сентъ-Брандонъ, называемой иначе Санъ-Барандонъ или Баранора. Тѣ, которые

показался пріятнѣйшимъ мѣстомъ въ свѣтѣ: но онъ въ скорости изчезъ отъ нашихъ глазъ. Наконецъ насъ выбросило на одинъ берегъ усыпанный камнями; я былъ свидѣтелемъ, какъ мой корабль погрузился и изчезъ, и какъ три части моихъ спутниковъ погибли: вотъ малый остатокъ, которой также какъ и я боролся съ смертію! Мы вышли подлѣ долгой пещеры, которой одинъ входъ внушаетъ мрачный и благоговѣйный ужасъ.

Гелена прерывала рѣчь старикову самыми нѣжными ласками; а Макинъ съ своей стороны разсказалъ ему всѣ подробности своихъ приключеній, и изобразилъ свое раскаяніе самыми трогающими словами. Престанемъ говорить о нашихъ проступкахъ, сказалъ вопреки Милордъ

рые оной видѣли, представляютъ его самымъ пріятнымъ мѣстомъ, гдѣ зелень, дерева и всякаго рода съѣстныя вещи находятся въ великомъ изобиліи. Думаютъ, что онъ населяемъ Христіянами: но никто еще не могъ дать порядочнаго извѣстія о землѣ ихъ и о языкѣ; и Испанцы, которые многократно ѣздили изъ Кенарскихъ острововъ, дабы оной сыскать, не могли еще его открыть. Говорятъ, что онъ по днямъ и по времени является и изчезаетъ. Но люди не такъ любящіе чудесное, думаютъ, что поелику сей островъ очень малъ и всегда почти покрытъ облаками, то путешественники не могутъ удобно оной примѣтить. Но все сіе имѣетъ видъ басни; надобно положить сей *очарованный островъ* съ островомъ Ципанго, въ число безтолковыхъ сказокъ путешественниковъ.

лордЪ ДорсетЪ; всѢ мы должны себя укорять; станемЪ лучше говорить о радости, что мы паки увидѢлись, о нашей любви, и о вашихЪ дѢтяхЪ, которые суть мои дѢти. Не надлежитЪ уже намЪ помышлять о возвращенiи вЪ Европу; ибо по видимому, нималой намЪ нѢтЪ надежды выпти изЪ сего мѢста; и такЪ да будетЪ оно моимЪ отечествомЪ и послѢднимЪ моимЪ убѢжищемЪ! ВЪ семЪ жилищѢ обитаетЪ все для меня дражайшее; находясь сЪ моею дщерiю и сЪ тобою, я безЪ трудности забуду всю землю; станемЪ думать о томЪ токмо, какЪ бы себя простить и любить взаимно. Я привелЪ кЪ тебѢ честныхЪ людей; они будутЪ наши друзья, и наше семейство; сыновья ваши обязаны мнѢ будутЪ женами, а дочери супругами. Да изліетЪ небо благословенiе свое на сiю малую частицу земли! и да воспрiиметЪ дражайшая Гелена послѢднiя мои издыханiя.

ВЪ повѢствованiи своемЪ, МакинЪ упомянулЪ слегка обЪ обязательствѢ своемЪ сЪ Геленою, которое утверждалось токмо на взаимномЪ согласiи сердецЪ, и на клятвахЪ, не освященныхЪ вѢрою и законами. Не успѢлЪ МилордЪ сiе выслушать, какЪ побѢжалЪ кЪ священнику и просилЪ его обвѢнчать ихЪ: и такЪ священный бракЪ утверждаетЪ соединенiе двухЪ любовниковЪ; сей союзЪ полагаетЪ верьхЪ ихЪ блаженству и чистымЪ и постояннымЪ ихЪ утѢхамЪ; бракЪ совершился со всею пышностiю, какую позволяла простота оныхЪ бреговЪ.

ЛордЪ

Лордъ и жена его равно какъ и единоземцы ихъ, не преставали удивляться симъ прелестнымъ мѣстамъ; они вскорости забыли Англію, обитая въ сихъ прекрасныхъ мѣстахъ. Дорсетъ не могъ домыслиться, какимъ случаемъ сей островъ, нѣкогда населяемый, разсуждая по погребальной пещерѣ, учинился пустынею. Милордъ ему долженствовалъ продолженіемъ пріятной жизни, будучи освобожденъ отъ немощей старости; почему онъ и умеръ какъ зрѣлый плодъ, который самъ отпадаетъ отъ рождающаго его древа; погребли его при подножіи того Креста, гдѣ Макинъ завѣщалъ себя погребсти.

Сіе небольшое селеніе добровольно покорилось законамъ, изданнымъ супругомъ Гелены. Можно было сказать, что златой вѣкъ, и невинность первобытныхъ людей, удалились въ сію страну, отдѣленную нѣкоторымъ образомъ отъ всего свѣта. Богопочитаніе было тамъ проповѣдуемо и совершаемо во всей святости Евангелія; вѣра же и нравоученіе, нимало между собою не противорѣча, поддерживали себя взаимно, поелику правила ихъ были утверждены на одномъ основаніи. Тамо представляли человѣколюбіе, источникомъ всѣхъ добродѣтелей, изъ которыхъ снисхожденіе была первая; не вѣдали сего безчеловѣчнаго особства, толико пагубнаго для общества; а чувствовали какъ свое собственное, несчастіе своего брата и всѣми силами старались оному помогать; тогда токмо были благополучны, когда

 могли

могли раздѣлять свое благополучіе; не вѣдали другаго тщеславія, кромѣ того, чтобъ быть, естьли то возможно, благотворительнѣе и полезнѣе поселенію, нежели ихъ друзья и сотрудники. Тамъ-то находилось безкорыстное дружество и чистая любовь, которую мы считаемъ обманами воображенія; тамо были добродѣтельны, не опасаясь, чтобы употребили во зло чистосердечіе и довѣренность; невѣрность не оскверняла тамъ святости брака; подлая корысть не дѣйствовала обязательствами, и женщины не стыдились признаваться въ своей любви; справедливость и чувствительность управляли тамъ всѣми дѣйствами.

Начальникъ селенія, (*) прежде, нежели подвергнулся закону общему всѣмъ людямъ, вкусилъ

(*) Вотъ повѣсть о Макинѣ и Теленѣ, представленная совсѣмъ отлично и такъ какъ объявляетъ сочинитель *Всеобщей Исторіи путешествованій.*

Въ Царствованіе Едуарда III, Англійскаго Короля, одинъ разумный и отважный человѣкъ, именуемый Робертъ Макинъ, возчувствовавъ сильную страсть къ молодой особѣ знатнѣйшаго предъ нимъ рода, получилъ преимущество предъ всѣми своими соперниками; но родители его любовницы, которая называлась Анна Дорсетъ, примѣтя чувствованія своей дочери, и презирая бракъ, которой поражалъ ихъ гордость, испросили отъ Короля повелѣніе удержать Макина подъ стражею до тѣхъ поръ, пока жребій Анны утвер-

вкусилъ удовольствіе узрѣть смертный свой одръ, окруженный многочисленнымъ потомствомъ.

утвержденъ не будетъ другимъ союзомъ. Они выдали ее за знатнаго человѣка, котораго имени Макинъ не хотѣлъ объявить послѣ плачевнаго своего приключенія; вскорости Анна была отведена въ Бристоль, въ земли своего мужа. Заключенный любовникъ получилъ себѣ вольность: но раздраженъ чувствованіемъ своей обиды, равно какъ и своею страстію предпринялъ онъ возмутить благополучіе своего соперника. Нѣкоторые изъ его друзей обязались ему вспомоществовать. И такъ поѣхалъ онъ въ Бристоль, гдѣ, обыкновенными хитростями любви, нашелъ средство увидѣть свою любовницу, которая не потеряла еще къ нему склонности. Они вознамѣрились вмѣстѣ оставить Англію и искать убѣжища во Франціи. Тщаніе ихъ было равное ихъ отважности. Нѣкогда Анна вышедъ прогуляться, приказала одному вѣрному служителю вести себя на берегъ канала, и сѣдши на ожидающее ее судно, достигла до корабля, которой былъ у Макина въ готовности для ихъ побѣга.

Якорь былъ поднятъ и парусы направлены къ берегамъ Франціи: но безпокойство и скоропостижность Макина не позволили ему взять лучшихъ матросовъ изъ Англіи. А вѣтеръ ему столько былъ противенъ, что потерявъ ночью изъ виду землю, на другой день нашелъ онъ себя погибающимъ посреди неизмѣрности Океана; сіе положеніе продолжалось тринатцать дней, во время которыхъ онъ былъ преданъ волнамъ. Говорятъ, что сіе слу-

ствомЪ. ОнЪ благословилЪ ихЪ, и наказавЪ, чтобЪ они сохраняли благоразумныя его учре-
жденія,

случилось вЪ то время, когда компасЪ не былЪ употребляемЪ вЪ кораблеплаваніи. НаконецЪ вЪ четвертый день поутру, люди его примѣтили весьма близко отЪ себя землю, которую они сочли за островЪ; сомнѣніе ихЪ разрѣшилось при восхожденіи солнца; они увидѣли лѣса состоявшіе изЪ незнаемыхЪ имЪ деревЪ. Но неменьше они были удивлены увидя множество птицЪ совсѣмЪ новаго вида отЪ нашихЪ. Сіи птицы садились на ихЪ мачтахЪ и канатахЪ не показывая ни малаго страха.

Они послали шлюбку. Многіе матросы сѣдши вЪ оную, вскорости возвратились сЪ счастливыми извѣстіями и великими знаками радости. ОстровЪ казался пустымЪ: но онЪ по крайней мѣрѣ приносилЪ по столь долгихЪ и смертоносныхЪ бѣдствіяхЪ надежное убѣжище. Различныя животныя приходили кЪ нимЪ безЪ страха; они видѣли источники свѣжей воды и деревья обремененныя плодами. МакинЪ и его любовница, сЪ наилучшими своими друзьями, не разсуждая много вознамѣрились пойти отдохнуть вЪ толь прекрасную землю; и такЪ приказали себя отвести на шлюбкѣ, а прочихЪ оставили для охраненія корабля. Земля имЪ показалась прелестною; кротость животныхЪ не меньше ихЪ очаровала какЪ и пріятность воздуха и различіе цвѣтовЪ и плодовЪ. Поступя далѣе увидѣли они прекрасный лугЪ испещренный цвѣтами, и орошаемый источникомЪ снисходившимЪ сЪ горы и разливавшимся на многіе потоки.

жденія, скончалЪ долгое свое теченіе на рукахЪ Гелены, которая не долго жила послѢ него.

Одно высокое дерево, осѢнившее ихЪ своими вѢтвіями, побудило ихЪ остаться вЪ сей пустынѢ. Они состроили хижины, желая тамЪ нѢсколько дней отдохнуть, и подумать о своемЪ состояніи: но спокойствіе ихЪ не долго продолжалось: три дни спустя жестокая буря сорвала корабль сЪ якорей и бросила оной на Марокскія берега, гдѢ, когда онЪ разбился о камень, всѢ были взяты Маврами и заключены вЪ страшныя темницы. МакинЪ не нашедЪ на другой день никакого слѢда своего корабля, заключилЪ, что онЪ утонулЪ. Сіе новое злоключеніе, произвело чрезмѢрный ужасЪ во всѢхЪ его спутникахЪ, а надЪ любовницею его такое сдѢлало впечатлѢніе, что она не много дней жила послѢ того. Первыя несчастія которыя послѢдовали ея отЪѢзду, уничтожили ея бодрость: она отЪ того выводила плачевныя предзнаменованія, заставившія ее ожидать какого нибудь новаго злоключенія: но сей послѢдній ударЪ такЪ ее поразилЪ, что она потерявЪ употребленіе голоса, умерла по прошествіи двухЪ дней немогши произнесть ни одного слова. ЛюбовникЪ ея пронзенный толь трагическимЪ приключеніемЪ, жилЪ токмо пять дней послѢ нее, и просилЪ, какЪ особливой милости отЪ своихЪ друзей, чтобЪ погребли его вЪ одномЪ гробѢ сЪ нею. Они выкопали яму при подножіи нѢкотораго жертвенника, воздвигнутаго ими подЪ однимЪ высокимЪ деревомЪ; положили туда злополучнаго Макина, и поставивЪ деревянной

КрестЪ

него. Надъ гробомъ ихъ, какъ они желали, соорудили церковь во имя Іисуса Спасителя. Много времени спустя послѣ того Португальцы открыли сіе счастливое пребываніе. Но Европейская зараза вскорости оное наводнила; переведенцы испортясь приняли модные пороки и ученое развращеніе просвѣщенныхъ народовъ, и сдѣлались наконецъ обыкновенными людьми, сохраняя между собою тщетное воспоминовеніе о своемъ основателѣ.

Крестъ на семъ печальномъ монументѣ, присовокупили къ оному надпись сдѣланную имъ самимъ, и которая въ короткихъ словахъ заключала злосчастное его приключеніе: она оканчивалась прозьбою къ Христіянамъ, естьли кто изъ нихъ придетъ въ сіе мѣсто послѣ него, то чтобъ состроили тамъ церковь во имя *Іисуса Спасителя*.

Путешествователи говорятъ, что всѣ пороки царствуютъ въ Мадерѣ во всѣхъ состояніяхъ, и женщины не меньше тамъ преданны невоздержанію, какъ и мужчины. Остановимся на одномъ злоупотребленіи, противу котораго возстаетъ само человѣчество. Человѣкоубійство, говоритъ *сочинитель путешествованій*, обрѣтается въ Мадерѣ въ нѣкоторомъ почтеніи; оно учинилось знакомъ отличія, и дабы наслаждаться нѣкоторою славою, надлежитъ омочить руки въ крови подобнаго себѣ; источникъ гнуснаго сего обыкновенія есть покровительство, которымъ убійцы пользуются отъ церькви. Вотъ подлинно отличные нравы отъ тѣхъ, которые Макинъ оставилъ своему поселенію!

Конецъ.

